Александр Афанасьевич Наумов

Воспоминания

“О том как жили наши дети и прадеды”

1926 год

Фото С. Родькина.

Земля Боготольская 1995 г. №7-8 18 января.

К 70-летию Боготольского района

Село Боготол в начале века

(воспоминания учителя двухклассного МНП училища НАУМОВА А. А.)

Говорят: в старину живали деды веселей своих внучат. О том, как жили наши деды, да и прадеды, повествует в своих записках учитель сельского двухклассного училища министерства народного просвещения НАУМОВ Александр Афанасьевич. Эта рукопись была написана в 1960 году для школьного музея сельской средней школы, копию которой тридцать четыре года хранила у себя скромная пенсионерка Анна Александровна Серебрякова. Теперь эта рукопись хранится в нашем городском музее.

Читатель этого волнующего повествования познакомится с общим обликом увядающего к тому времени, некогда богатого торгового села, потесненного новым городом. Узнает о колоритных людях, не развращенных современной нравственной недоразвитостью в поисках скорого богатства и красивой импортно-киношной жизни.

Автор подробно знакомит с прекрасно организованным гончарным производством в учебно-показательной мастерской, работающей на местных каолиновых глинах, месторождение которых теперь прочно забыто.

Читатель узнает, что здесь изготовлялись чудные столовые сервизы, декоративные вазы и другие поделки, украшающие быт сибиряков. До наших дней дошел только один образец сельских умельцев: в городском музее хранится обгорелая на пожаре большая ваза, изготовленная мастером Козловым в 1917 году.

А. А. Наумов руководствуется своим юношеским субъективным восприятием и допускает ряд неточностей. Так, он утверждает, что станционный поселок объявил себя городом в 1920 году после разгрома Колчака, что противоречит истине. Он также утверждает, что тракт был заброшен, хотя деревянные мосты через речки еще в 30-х годах были крепки и кюветы обрабатывались конными грейдерами. По одному посещению Боготол-Завода и Гремяченской лесной школы приходит к выводу о запущенности и незначительности построенного в 1771 году завода и процветающего лесного училища.

И тем не менее, автор нам ярко и образно рассказал о делах давно минувших дней и сделал нам «намеки тонкие на то, чего не ведает никто».

Алексей ТЕПЛЯШИН.

Итак, рукопись Александра Афанасьевича читайте на 5 - 8 страницах.

1

Наумов Алексей

18 января

№ 8 Александр Алексеевич

К 70-летию Боготольского района

Село Боготол в начале века

(воспоминания учителя двухклассного МНП училища А.А.Наумова)

ПРИЕЗД В СЕЛО БОГОТОЛ НОВЫХ УЧИТЕЛЕЙ

В один из прекрасных летних вечеров второй половины августа 1910 года шустрая крестьянская лошадка, запряженная в тарантас и погоняемая, очевидно, подрабатывающим на легком извозе при станции Боготол поселковым крестьянином, доставила меня и моего товарища Ивана Алексеевича Смирнова к высокому крыльцу Боготольской мужской школы, под скромным фронтоном которой, устроенным над парадным входом, красовалась исполненная золотыми буквами по темному фону «Боготольское двухклассное МНП училище».

Окинув беглым взглядом почти новое хорошо построенное здание, мы бойко поднялись на его многоступенчатое крыльцо и, пройдя широким школьным коридором, зашли в полуоткрытую дверь учительской, в глубине которой у окна за длинным школьным столом, накрытым красной суконной скатертью, обнаружили миловидную, погруженную в чтение книги, девушку, к которой и обратилась с заявлением о желании видеть заведующего училищем.

Неожиданное появление в дотоле пустой комнате двух неизвестных молодых людей, одетых к тому же как-то по-особенному: в черные брюки, одинаковые светло-серые студенческого покроя тужурки и летние с бархатным околышем фуражки, очевидно, смутило и заинтересовало девушку. Отложив в сторону книгу и рассматривая нас, она объяснила, что заведующего в школе нет; но он, наверное, скоро будет и поинтересовалась для чего он нам нужен.

Разъяснив девушке, что мы являемся только что приехавшими сюда новыми учителями, попросили ее разрешения временно занять один из свободных классов, в который и начали носить из тарантаса свое несложное учительское имущество, состоящее из плетеных ивовых корзинок, набитых книгами и бельем, из зимних ватных пальто, из завязанных в дорожные ремни подушки и одеяла и, наконец, из неразлучного спутника всех сибирских учителей-одиночек - охотничьего дробового ружья.

Покончив с багажом, мы тут же отправились осматривать главную притягательную силу, тянущую нас на службу в это село - реку Чулым. Следует отметить, что я и мой товарищ были друзьями с детства, ибо оба родились и выросли на берегах судоходной реки Унжи, привязались к реке и теперь, съехавшись для совместной школьной работы в большом торговом, но почти безводном селе Тисули, тосковали о реке, на которой летом и рыбачили, и охотились.

Пройдя от школы небольшой квартал домов, ограждающий с восточной стороны базарную площадь и входя в короткий переулок, мы как-то неожиданно быстро оказались на высоком и крутом берегу Чулыма, перед нашим взором открылась прелестная картина реки. Перед нами внизу расстилался мощный водный поток, значительно превосходящий нашу родную Унжу. Подходя к селу, река делилась на два неравных рукава, образуя значительный и довольно высокий наносной островок - Курейку, покрытый хорошим покосным лугом, в разных точках которого высились отдельные вековые ветлы. Выше острова, под высоким берегом реки, прижавшись к воде пыхтела отработанным паром железнодорожная водокачка, а еще выше на завороте реки обрисовывались здания Боготольской паровой крупчатой мельницы. Заходящее солнце золотило реку, на другом берегу были видны наносные пески, а за ними километров на пять в ширину простирались великолепные пойменные луга, доходящие до склонов покрытых лесом Боготольских гор, у подножия которых стояла небольшая Боготол-Заводская деревушка. Внизу у села, немного ниже небольшой речушки, впадающей в Чулым, скрипел перевозной паром, перемещаясь через реку по туго натянутому металлическому канату.

Все, на наш взгляд, было хорошо, все намного превосходило наши ожидания, и мы, убедившись, что от перемены места службы выиграли, а не прогадали, решили возвратиться в школу, дабы встретиться с ее заведующим.

Проходя обратно по той же дороге мимо двухэтажных домов, мы были приятно поражены музыкой, несвойственной сельским местностям. Через открытые окна, очевидно купеческого дома, звуки пианино - чья-то тоскующая в одиночестве душа лениво бродила рукою по клавиатуре, извлекая из инструмента аккорды, свойственные ее настроению.

В школе нас уже поджидал ее заведующий Андрей Васильевич Некрасов. Это был высокий, белокурый, с небольшой бородкой необыкновенно приветливый и представительный человек: он познакомил нас со своей супругой - учительницей той же школы Пелагеей Константиновной Миславской, и мы, устроившись в их небольшой, но уютной школьной квартире, долго и непринужденно беседовали на школьные и житейские темы. Андрей Васильевич разъяснил нам, что весь трехкомплектный состав Боготольского двухклассного училища обновляется потому, что он с женою переходит на школьную работу в город Боготол, а их третий учитель Шучко переводится на службу в свой родной город Мариинск.

Супруги Некрасовы разъяснили нам, что когда-то большое и торговое село Боготол, возникшее как остановочный пункт на знаменитом гужевом Сибирском тракте, теперь, с проведением Сибирской железнодорожной магистрали, приходит в упадок, так как все энергичные предприимчивые люди из села переселяются в город Боготол, куда и перевозят свои постройки.

Беседуя об окружающей природе, мы узнали, что окрестности села Боготол изобилуют угодьями для охоты на боровую и водоплавающую дичь. Оказалось, что Андрей Васильевич является таким же заядлым охотником, какими в то время были я и мой товарищ. Андрей Васильевич показал нам свое великолепное двуствольное ружье и охотничью собаку, осмотрел наши одноствольные самопалы, описывая находящиеся вблизи деревни Боготольский Завод замечательное по богатству водоплавающей дичью озеро Битятское, обещался взять нас обоих на утиную охоту на нем.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО С СЕЛОМ БОГОТОЛ

Переночевав на полу классной комнаты на подстилках из зимних пальто и приведя себя в порядок, отправились по приглашению гостеприимных супругов Некрасовых к их утреннему чаю, где в оживленной беседе и начали познавать новую для нас жизненную обстановку.

Из беседы о школе мы узнали, что, кроме двухклассного МНП училища, в селе имеется одноклассная женская Министерства внутренних дел школа, обслуживаемая двумя учительницами, а вблизи села, у деревни Б-Завод, на территории лесничества - Боготольская лесная школа, готовящая младших лесных техников-кондукторов. Мы узнали, что в селе есть волостное правление, становой пристав, мировой судья, почта, больница, поселенческая богадельня и до десяти торговых лавок, среди которых пивной зал, винный погреб и два каменных магазина крупных торговцев - Юльевича и Юдалевича. Все эти сведения чрезвычайно заинтересовали нас, и мы после чая отправились осматривать село, начиная с его базарной площади.

Осматривая обычную сельскую постройку из достаточно уже поживших двухэтажных и одноэтажных деревянных домов, ограждающих небольшую ее торговую площадь, мы обратили особое внимание на два довольно больших двухэтажных дома, из которых один был каменный, а другой деревянный, при одних общих воротах, над калиткою которых висела вывеска канцелярии станового пристава, а перед ней стояла небольшая группа людей с сидящим верхом в седле на коне всадником, оказавшимся местным становым приставом Дорониным, он мирно беседовал с тремя своими полицейскими стражниками, сдерживая нетерпеливо переступающую с ноги на ногу свою верховую лошадь. Надо признаться, что не только мы, но и все народные учителя того времени крепко недолюбливали полицейское начальство, а по сему, проходя мимо этой неприятной группы местных властей, мы не только не оказали ей никаких знаков почтения и уважения, но, очевидно, не обратили на нее надлежащего внимания, заворачивая за угол Доронинской квартиры, свернули в переулок, дабы выйти на реку, где неожиданно для себя и наткнулись на открытые двери пустого зала пивной, расположенной на правой стороне проулка. В воздухе было уже довольно жарко, хотелось пить, и мы зашли в этот зал, спросили себе две бутылки лимонада, выпили их и спокойно отправились на берег, чтобы любоваться рекой. Каково было наше изумление, когда не более чем через неделю мой товарищ был вызван по делам службы в город Мариинск к инспектору народных училищ Грязнову и ему было предъявлено обвинение в недостойном поведении на новом месте работы. Оказалось, что обиженный нашим невниманием к себе, пристав Доронин тут же написал инспектору сообщение, что приехав в Боготол, мы немедленно забрались в пивную, где и перепились буквально в «дым».

Часть берега Чулыма от волостного правления до извоза, поднимающегося от устья впадающей в реку небольшой речушки, оказалась тем бульваром без насаждений, на которой по вечерам собирается сельская молодежь для встречи и прогулок. Мы обнаружили здесь даже следы когда-то построенной береговой скамейки - два глубоко врытых в землю столба остались на своих местах, а прибитая поверх них доска, очевидно, уже давно уплыла в неизвестном направлении.

В конце этого бульвара, близь извоза одиноко стоял каменный столбик, увенчанный крестом и обнесенный оградкой, а из размытого водою берега торчали остатки былых погребений - здесь стояла когда-то церковь и было кладбище. Очевидно, здесь когда-то был центр старого села, половину которого унес Чулым, наращивая за счет унесенной сельской территории привольные наемные луга противоположной Боготол-Заводской стороны.

Здесь же, недалеко от берега, почти рядом с волостным правлением, в двухэтажном ветхом доме мы нашли приветливую старушку-вдову, которая охотно согласилась нас поить и кормить из расчета по 12 рублей в месяц с человека, пока мы не устроим окончательно свой квартирный вопрос.

Осматривая не широкую, но довольно большую торговую площадь мы нашли примерно на половине ее длины, что ее пересекает торговый ряд и пять лавок: сначала шли две деревянные лавки торговцев Сверлова и Изосимова, затем стоял большой каменный магазин купца Ельевича, за которым в той же линии стояли деревянные лавки торговцев Зисмана и Рапопорта. Самым богатым из этих лавок был, несомненно, магазин Ельевича, в котором можно было найти все нужное для села, начиная с мануфактуры, конфет и спичек и до роскошных стеклянных абажуров для дорогих настольных ламп. Особняком от этой линии лавок и как-то боком к ней стоял шестой обширный и также довольно богатый каменный магазин братьев Юдалевичей. В юго-западном углу площади, за небольшой каменной оградой, стояла каменная церковь села, против нее два одноэтажных дома священников, а между ними довольно большое деревянное двухэтажное здание женской школы, в верхнем этаже которой помещались классы, а в нижнем жила учительница - заведующая.

Осматривая находящуюся за линией лавок восточную часть площади села, мы не нашли на ней ничего особенного, это был по сути дела пустырь, посреди которого под шатровой крышей, опирающейся на четыре высоких столба, висело громадное железное коромысло уже давно недействующих базарных весов, да в северо-восточном углу площади, недалеко от мужской школы, стоял одинокий бедный двор Москвина, по слухам иногда поторговывавший водкой. Однако и здесь, на торговых задах, оказалось нечто интересное. Позади линии лавок, немного поодаль от них, оказался большой, старый, необыкновенно длинный двухэтажный деревянный дом, в нижнем этаже которого, судя по давно закрытым торговым дверям, помещались торговые лавки, а верхнем, с большими окнами и висячими балкончиками, очевидно, когда-то жили богатые люди. Мы обратились к старожилам села с вопросом: «Чей это дом?» и услыхали следующее: «Давно, может быть, лет 40 или 50 тому назад, здесь жил богатый человек - золотопромышленник Озеров. У него было тут три дома, два из которых сохранились, а от третьего - углового остались в качестве забора лишь лицевые стены нижнего этажа. Озеров жил на широкую ногу - принимал массу гостей, задавал пиры, выписывал на дом образованных учителей-гувернеров для воспитания своих детей. С одним из таких гувернеров и случился грех - в него влюбилась дочь Озерова и отдалась ему. Когда о семейном несчастии узнал разгневанный хозяин, он взял обольстителя на конюшню и запорол там его до смерти. С этого и началось разорение Озерова. Возникло уголовное дело, началось следствие, пришлось дать большие взятки местным властям, уездным властям, а когда дошла очередь до губернаторских властей, то у золотопромышленника исчезли все ценности, и он полностью разорился. Сейчас в этом большом и уже пустом доме доживают свой век дочери Озерова - вдовые старушки Латкина и Цибульская, а в находящемся через дорогу втором двухэтажном старом доме с вывеской над крыльцом «Агентство страхового общества Саламандра» с большой семьей и довольно бедно доживает и сын Озерова Александр».

Действительно, вскоре после этого, когда мы немного устроились, к нам в школу с целью знакомства пришел небольшой, уже седеющий, с небольшой лысиной на голове, скромно одетый старичок, который, подавая нам руку, сообщил, что он потомственный почетный гражданин Александр Иванович Озеров. Мы уселись и начали беседу. Александр Иванович рассказал нам, что он был учителем в Боготольском двухклассном училище, из которого вскоре и ушел, что он состоит агентом страхового общества «Саламандра» и занимается частной адвокатурой при камере мирового судьи. Узнав, что мы, после окончания учительской семинарии, занимаемся самообразованием и готовимся к экзамену на аттестат зрелости, он необыкновенно оживился, начав расхваливать недавно выписанную им серию книг, изданную под общим названием «Гимназия на дому», предлагая свои услуги по использованию этих книг и после этого время от времени стал навещать нас, как подходящих для себя собеседников. Мы узнали, что Александр Иванович Озеров живет в старом большом отцовском доме, имеет большую семью, состоящую из трех взрослых дочерей и двух неудачливых сыновей, живет довольно скудно, но в беседах с ним у нас никогда не хватило смелости просить его рассказать о богатой жизни его родителей и об истинной причине их разорения.

ОХОТА НА БИТЯТСКОМ

Однажды вечером Андрей Васильевич Некрасов сообщил нам, что завтра ранним утром он отправляется на охоту на Битятское и, если нам хочется поехать с ним, то нужно к этому готовиться. Мы охотно отозвались на это предложение, немедленно принялись чистить и смазывать свои ружья, набивать патроны и, отправляясь на ужин к своей хозяйке, выпросили у ней хлеба и огурцов, купили и сварили десяток яиц и, считая, что все главное сделано, залегли на полу пустого класса на свои ватные пальто, чтобы немного поспать до отправки на охоту.

Часов около пяти утра Андрей Васильевич был уже на ногах и разбудил нас. Мы быстро поднялись, надели свои сукунные тужурки и накинули на плечи ружья, забрали припасы, весла, собаку и быстро, через пустую базарную площадь пошли на реку, у лодочного причала на замке поджидал нас обшитый досками небольшой долбленый некрасовский ботничек. На реке было сыро и холодно, тужурки плохо грели нас, а по сему, погрузив все свои охотничьи принадлежности в нос лодки, мы с товарищем сели за лопастные весла, Андрей Васильевич с кормовым веслом устроился на корме, и наша хорошо загруженная тремя седоками посудина тихо отошла от своей пристани, вышла на середину реки и бойко пошла под работою двухлопастных и одного кормового весла. На востоке начинал уже брезжить восход, река начинала очищаться от ночного тумана, по песчаным отмелям забегали кулички. Лодка хорошо шла вниз по течению, придерживаясь правого крутого берега, близ

(Продолжение на 6-й стр.)

Село Боготол в начале века

(Продолжение. Начало на стр.5)

которого шла наиболее быстрая речная струя. Андрей Васильевич, работая кормовым веслом, начал рассказывать нам о том, что Битятское озеро по сути дела является старицей реки Чулым, когда-то шедшего у самой подошвы гор, что в своем плане оно представляет птицу с широко распластанными во время полета крыльями и широким оттянутым хвостом, близко подходящим к теперешнему руслу реки.

Действительно, прошло не более сорока минут с момента путешествия по реке, как Андрей Васильевич отдал команду - класть лопастные и, описав по реке кривую, пристал к невысокому, но обрывистому песчано-глинистому берегу. Мы вылезли из лодки, вынесли и подняли на бровку берега все ее содержимое, ухватили за носовую цепь и бортовые уключины и без особой напряженности подняли его наверх берега, близ него расстилалась зеркальная гладь хвостовой части озера. По поверхности воды уже кое-где бродили отдельные черные точки - это выбирались из камышей на утреннюю кормежку дикие утки. Медлить было некогда. Мы быстро уложили на дно лодки ружья и весла, ухватили за носовую цепь и бортовые уключины лодку и легко поволокли ее по сырой траве к озеру и спустили ее на воду. Наступил самый интересный момент решить: кто, где и как будет действовать на охоте. Не особенно полагаясь на нашу охотничью выдержку и осмотрительность, Андрей Васильевич предложил мне взять для обстрела левый открытый берег хвоста, сам с двустволкой уселся в носовой части лодки, на корму с кормовым веслом посадил моего друга Ивана Алексеевича и, пустив собаку в прибрежные кусты и камыши, предложил молодому охотнику на кормовом весле вести лодку около камышей правой стороны озера. Друзья отпихнулись от берега и направились к камышам, а я нехотя побрел по своей стороне, отчетливо сознавая, что попал в самые невыгодные условия охоты

Действительно, моя сторона озера представляла собой открытый покосный луг, не имеющий около воды ни кустиков, ни камышей, за которыми мог бы укрыться охотник, в то время как на лодке создавалась отличная обстановка - обшаривающая камыши собака беспокоила засевших в них уток, и они столбом поднимались из камышей, представляя отличную цель для стрельбы влет или же камнем выкидывались из камышей на чистую поверхность озера, создавая еще более лучшую прицельную обстановку, в силу чего резкие отчетливые выстрелы некрасовской двустволки начали рвать идеальную утреннюю тишину над озером Битятским, отражаясь в форме глухого раскатистого эха от стены соснового леса, астущего на близко подходящих к озеру Боготольских гор. Не менее семи выстрелов раздалось с той стороны северного хвоста, пока я не приметил свою жертву: пара уток на расстоянии выстрела полоскалась около берега, я подполз к ней и ударил из своей берданки. Я видел, как линией брызг черкнул около уток, я видел, как одна из них легко поднялась и полетела, а другая попробовала поднять крылья, опустила голову и замерла. Убил - блеснуло в моем сознании. Я вскочил на ноги, перезарядил ружье на случай, если утка попробует уходить, но утка оставалась на месте. Нужно было ее доставать, но как? Я кинулся к воде, намереваясь раздеться, до нее добрести, а, может быть, и доплыть, но осенняя холодная вода разом остудила мой охотничий пыл. Я разыскал глазами нашу лодку около камышей противоположного берега, сделал из ладоней рук нечто подобное рупору и из всей мочи закричал: «Ребята, подберите убитую утку!». Лодка замедлила ход, видно, мои товарищи что-то обсуждают и, наконец, я услыхал ответное: «После подберем». Я только тут сообразил, что мое требование оставить отлично идущую охоту, чтобы подобрать мою утку, было абсурдным

Заметив место на берегу, близ которого на воде оставалась убитая утка, нехотя побрел по луговому берегу, надеясь, что мне, может быть, удастся что-либо подстрелить на нем и разогнала дичь. Набродившись по пустому берегу, я стал возвращаться уже обратно, как заметил, что лодка уже кончила свой обстрел и, тихо пересекая озерный хвост, направляется ко мне. Подобрав небольшую уточку из породы чернедей, друзья взяли меня в лодку и направились через озеро к горному его берегу, где в небольшом распадке у воды виднелась рубленая избушка, близ которой в озеро впадал горный ручеек.

Посовещавшись на этой остановке, что следует предпринимать далее, мы решили продолжать охоту, взяв под обстрел крыло озера. Друзья опять высадили меня на горный берег крыла, сами переместились местами на лодке и поплыли к камышам противоположного лугового берега. Ясно сознавая невыгодность своего положения на охоте, я лениво поднялся на берег, нащупал на нем небольшую тропу и побрел по ней, прощупывая глазами прибрежные камыши. С той стороны стали вскоре раздаваться чахлые выстрелы ижевской одностволки моего товарища. Около моего берега уток не было. Лишь изредка где-то и кем-то отдельно поднятые пары на значительной высоте проходили вдоль озера. Я пробовал их бить влет, но толку не получилось.

Понимая бесполезность дальнейшей ходьбы, я присел отдохнуть, чтобы осмыслить, что дальше мне делать, как вдруг заметил пару уток, идущую вдоль моего берега на небольшой высоте, быстро вскинул ружье и выстрелил - одна из них резко изменила линию полета и пошла на посадку, другая же продолжала уходить. Где шлепнулась на воду первая утка, я не видел, но чувствовал, что она опустилась за камышами на чистую воду. Я поднимался на берег, опускался к воде: утка пропала бесследно. Очевидно, я ее подстрелил и она, нырнув в воду, ушла в камыш, заключил я, и, разочарованный в удаче, уселся отдыхать на берегу. Лодка, закончив обстрел лугового берега, уже подошла ко мне, и я рассказал товарищам о своей неудаче. Андрей Васильевич осмотрел то место, где я послал в камыши свою собаку и стал наблюдать за ее поиском. Внезапное, но характерное пофыркивание собаки через нос раздалось из камышей - собака нашла убитую утку и тормошила ее. Мы подобрали отличную крякву, убитую наповал и упавшую в камыши.

Подъехав к избушке на берегу ручья, мы развели костер, повесили на огонь свой жестяной чайник, и, удобно расположившись на зеленой мураве, принялись с необыкновенным аппетитом уничтожать свой хлеб, яйца, огурцы. Скоро заплясала крышка на чайнике, кипяток был готов, и кружка чая с сахаром вприкуску дополнила наше охотничье блаженство. Было хорошо, действительно хорошо! Мы лежали на лоне чудной природы, наблюдали разворот великолепного солнечного дня, чувствовали, что недалеко от нас шумят сосны, покрывающие Боготольские горы. Кругом расстилаются бесконечные луга, заключающие зеркальные воды Битятского озера, изобилующего и рыбой, и водоплавающей птицей Казалось, нам, вечно полуголодным костромичам, что такие угодья можно найти только в Сибири, необъятно малонаселенной.

Мягкая зеленая мурава, на которой лежали мы, отличный летний день, сытный охотничий завтрак с кружкой горячего чая расслабляюще подействовали на нас, и мы приняли к заключению, что начало охоты было удачно, что ожидать вечерней охоты очень долго, что ночью невыгодно подниматься вверх по реке, и решили ехать домой.

Пройдя на веслах хвостовую часть озера и тем же порядком спустив ботник на реку, мы попробовали на веслах плыть против течения, перебрались на песчаный противоположный берег, прикрепили к уключине бичеву, сняли сапоги, подсучили выше колена штаны и бойко повели лодку к ее сельскому причалу. Было уже время обеда, когда мы возвратились домой, в лодке оказалось двенадцать убитых уток. Разделив добычу на две равные части, хозяйственному Андрею Васильевичу и нам, мы весело пошли обедать к своей хозяйке, преподнеся в подарок свою первую добычу, после

НАЧАЛО НОВОГО УЧЕБНОГО ГОДА

Август месяц подходил к концу. Андрей Васильевич погрузил свое имущество на подводы и переехал в город Боготол. Попечитель нашего училища Алексей Сидорович Кудояров подобрал на должность сторожа при училище здоровую, энергичную женщину-одиночку Надежду, которая проворотила всю грязь и пыль, за лето накопившуюся в школе, и мы объявили прием вновь поступающих в нее. Надо было и нам позаботиться об окончательном квартирном устройстве. Хотелось устроиться ближе к школе, дабы не бегать по селу. Начались поиски и расспросы.

Против школы, на другой стороне улицы, начиная от угла, помещались два дома интеллигентного крестьянина Булатова - угловой новый, занятый складом сельскохозяйственных машин американской компании «Мак-Кормик» и рядом стоящий с ним большой старый, в котором Александр Павлович Булатов, будучи церковным старостой, будто бы принимал архиерея, затем шел вместительный домик симпатичного и обходительного крестьянина Петра Николаевича Екимова И, наконец, стояли два дома пана Страшевича - новый в котором проживал местный фельдшер и старый, в котором проживал сам пан, мы выбрали последний, оделись и пошли к нему.

Нас принял кряжистый седеющий старичок с небольшой бородкой, с очками на носу и с трубкой в зубах. Подавая нам руку, сказал: «Дворянин Викентий Семенович Страшевич». Мы присели, сообщив ему о цели нашего визита. Страшевич внимательно нас выслушал, надавил большим пальцем на табак в своей трубке, пососал ее и, наконец, не спеша ответил, что он может взять к себе на квартиру со столом, отведя нам небольшую комнату-боковушку. Мы рассказали пану, что бы мы желали иметь по столу, он подумал, посоветовался со своею, значительно его моложе, женою, и, наконец, объявил, что берет нас обоих с платою по 12 рублей с человека. Мы согласились на его условия, вытащили из своих корзинок тюфяки, набили их сеном и принялись за устройство квартир. Иван Алексеевич, как заведующий, решил занять приличную комнату-квартиру при школе, я занял комнату у Страшевича. Мы наладили свои койки, поставили в своих комнатах большие рабочие столы, застлали их бумагою, уложили книгами и начали заниматься. Иван Алексеевич больше налегал на математику - он отлично знал арифметику, алгебру и геометрию, а сейчас осиливал по Рыбкину тригонометрию. Я также занимался математикой, физикой, отчаянно зубрил французский и немецкий языки, изучал по своднику русскую литературу. Уже два года, как я начал баловаться масляными красками, копировал с цветных открыток любимые картины, две из них «Мальчик у дверей школы» Богданова-Бельского и «Узник» Ярошенко в самодельных рамках повесил на стенах своей комнаты. Иван Алексеевич также, глядя на меня, стал увлекаться красками, так же, как и я, написал копию картины Ярошенко «Узник» и также украсил ею свою квартиру.

Незадолго до начала учебных занятий, когда я с товарищем беседовал в учительской, к нам зашла низенькая миловидная барышня и, подавая нам пухленькую ручку, заявила, что она назначена в наше училище - учительница Иваницкая. Мы уселись за большим, накрытым красным сукном столом учительской и повели ознакомительную беседу. Оказалось, что новую коллегу зовут Лидией Ивановной, что она нынче окончила семь классов Томского епархиального женского училища, что она проживает в селе Боготол и является дочерью местного священника. Разговор наш невольно перешел на школьную работу, и мы начали обсуждать кому какие классы следует вести. Мы с товарищем работали в школах уже по четыре года и великолепно понимали, что наиболее ответственная работа на 1 и 5 годы обучения, а по сему предложили Лидии Ивановне вести 2-й и 3-й год обучения, я взял себе 4-ю и 5-ю группу, Иван Алексеевич согласился вести 1-й год обучения.

В те блаженные времена никто из народных учителей не имел ни малейшего понятия о планировании школьной работы, не обязывался составлять для себя поурочные планы. У нас были давно выработанные и твердо установленные учебные программы, принятые в школах стабильные учебни- начинающийся 1 сентября и заканчивающийся 1 мая, с двумя двухнедельными каникулами на Пасху и Рождество и 3-мя днями на масленицу и нерабочими днями по воскресеньям, двунадесятым праздникам и царским дням.

Учебные программы двухклассного училища были направлены на подготовку кадров для укомплектования низших профессионально-технических учебных заведений как-то: учительских семинарий и школ низших сельскохозяйственных и технических училищ, лесных и фельдшерских школ. Программа 1, 2 и 3 годов обучения в двухклассном училище является обычной программой народного училища, в течение 4-го и 5-го годов в них изучались Закон Божий, русский язык (этимология и синтаксис), русская история, география, физика и математика в России и естествознание в объеме учебника для женских гимназий и прогимназий. Некоторым наиболее взрослым и серьезным учащимся, после окончания двухклассного училища не раз удавалось после самоподготовки выдерживать испытания на звание народного учителя и успешно работать в начальных классах.

1 сентября законоучитель училища Леонтий Голубович отслужил в большом классе училища установленный перед началом занятий молебен, а с 9 часов утра 2 сентября по звонку школа начала свой новый учебный год.

Надо отметить, что школу того времени редко беспокоило учебное начальство, один раз в год ее посещал инспектор народных училищ один раз в пять лет в нее заглядывал директор народных училищ. Остальное начальство служебным доступом в школу не пользовались.

Надо признать, что такое большое доверие работе учителя оправдывало себя и случаев распущенности и развала в школах того времени не наблюдалось.

ПАН СТРАШЕВИЧ

Итак, с 1 сентября 1910 года я оказался квартирантом и нахлебником польского дворянина Викентия Семеновича, а может быть, Антоновича, (сейчас точно не помню) Страшевича.

Семья Страшевича состояла из трех человек: его, довольно воинственного старичка лет 75, его тихой скромной и услужливой супруги лет 50 и хрупкого подростка-дочери Ани, ученицы Боготольской женской школы.

К ак оказался Страшевич в Сибири, точно узнать нам не удалось, ибо мы были разных возрастов, разных направлений и никогда не входили в собеседование по душам. С утра до обеда мы были заняты делами по школе, после обеда до сна занимались своим самообразованием, ибо я и мой товарищ отлично понимали, что только через труд мы можем подняться на следующую, более высокую, ступень педагогической работы, чтобы улучшить свое слишком скромное существование.

Страшевич тоже по уши был занят своей службой на должности заведующего Боготольской министерства юстиции поселенческой богадельней, куда и отправлялся после утреннего чая, посвятить себя когда-то преступной, а теперь одряхлевшей, кучке стариков и старушек. Поселенческая богадельня находилась на той же улице, где жил и Страшевич, домов через десять от его квартиры. Это было довольно большое деревянное двухэтажное здание, когда-то обшитое почерневшим от времени тесом. На нем даже была небольшая, довольно неважная, вывеска, на которой после тоненьких букв - поселенческая богадельня - стояли две жирные буквы «М. Ю.». На содержание каждого призреваемого в богадельне отпускалась грошовая сумма около 4-х рублей в месяц, на которые пан Страшевич должен был одевать и кормить проживающих в ней, а когда кто-либо умрет, то в гробу и с отпеванием и похоронить. Ясно, что в этой почве недостаточной обеспеченности между призреваемыми и их заведующим возникали постоянные недоразумения. Одряхлевшие каторжане и ссыльные требовали для себя человеческих условий, а Страшевич их создать не мог в силу чего между ними и шла вражда. «Ну и бурбоны же живут у меня», - ворчал всегда старик, возвращаясь из богадельни. «Это не люди, а варнаки, это настоящие бурбоны» Бурбонами, по его понятиям, были не то французские, не то немецкие владетельные князья, которые терзали и мучили своих подчиненных.

Возвращаясь раздосадованным из своей богадельни, Страшевич долго и нервно бродил по своей комнате, посасывая свою

терстве юстиции, говорил: «Это разве право? Честного труженика-крестьянина я не имею права брать в богадельню, и он должен помирать под забором, а этих варнаков-каторжан да убийц я должен поить да кормить!»

Мадам Страшевич была с нами приветлива и кормила нас хорошо. Пан Страшевич за своим обедом любил выпить стопочку, отходил душою от своих огорчений и, посасывая трубочку, иногда рассказывал нам о том, что в старину около Боготола водились медведи, что он с двустволкою и ножом ходил на них один на один и перебил их множество. Действительно, над его скромной двуспальной деревянной кроватью, завешанной розоным пологом и стоящей у стены висела старая пистонная двустволка, скрещенная с какой-то древней необыкновенно длинной в металлических ножнах саблей. Откуда взялась эта сабля, мы понять не могли. Возможно, это было то самое оружие, с которым выступал молодой Страшевич в защиту польской независимости, за что и попал на поселение в Сибирь.

Кроме постоянных сражений со своими бурбонами, пан воевал иногда и дома, в особенности, когда недомогала его дочурка Аня, а он с горя за обедом употреблял выше нормы. Видя убивающуюся над заболевшим ребенком жену, он наращивая тон, поучал: «Говорил я тебе не парь ребенка, не кутай, не одевай! Говорил я тебе, что испортишь его. Ах, туды вашу мать! Возьму вот я шашку и искрошу вас в куски!» Однако сабля продолжала висеть на месте. Побушевав, сколько требовало огорченное стариковское сердце, пан выколачивал табак из своей трубки, забирался под свой розовый полог и мирно похрапывал до нового сражения с "бурбонами".

В селе Боготоле была больница, обслуживаемая постоянно двумя фельдшерами, а иногда и каким-нибудь захудалым врачом. Однако в силу каких-то неизвестных обстоятельств врачеванием занимался и пан Страшевич. На его рабочем столе, заложенном книгами и бланками богадельнической отчетности и усыпанном обильно табаком, всегда находилось множество пузырьков, баночек и бумажек с разными снадобьями. Иногда он сам в фарфоровой ступке тер какие-то вещества и делал объемистые порошки. Возможно ,он сам врачевал своих «бурбонов». Говоря о болезнях, он всегда возмущался слабостью лечения и малыми дозами применяемых лекарств. «Что варнаку порошок? - говорил он. - Ему надо лошадиную дозу, а не один порошок! Вот как я дам ему свой порошок, так его зараз ударит в пот!!! Потом он и начнет поправляться».

Пан Страшевич был ревностный католик и иногда ездил в Боготольский городской костел, его жена и дочка Аня были православные и ходили в свою православную сельскую церковь. В большие праздники Пасхи и Рождества пан требовал от своей супруги белую накрахмаленную манишку, чистил смазанные сапоги, облачался в лучшую не первой свежести пару и отправлялся делать визиты к значительным лицам своего села. Первый визит он всегда наносил волостному писарю Гедройц, к которому он относился с необыкновенным уважением. Наклюкавшись, как следует, к вечеру он возвращался домой в великолепном настроении и потом долго рассказывал жене и дочке, как его хорошо принимали.

ОСТАТКИ ВЕЛИКОГО КАТОРЖНОГО ПУТИ

Прогуливаясь по главной улице в конец села, я как-то поднялся в гору, вышел на околицу, чтобы поближе осмотреть железную мельницу, и неожиданно для себя за селом вправо от дороги обнаружил большое одноэтажное деревянное здание, почерневшее от времени и не имеющее ни окон, ни дверей. Я заинтересовался им, подошел поближе, заглянул во внутрь и обнаружил, что из него были вынуты полы и потолки, уничтожены перегородки, разломаны печи, облупились когда-то беленные стены. Несомненно, это была заброшенная казенная постройка. «Этапный пункт!» - блеснуло в моей голове. Это одно из тех самых зданий, которые ставили по Сибирской каторжной дороге для ночлега и временной передышки нескончаемых верениц несчастных людей, перегоняемых из России в Сибирь на каторгу или поселение.

Да, я стоял несомненно на когда-то великом сибирском, а ныне забытом гужевом пути, именуемом «Владимировкой», Я видел, как эта самая Владимировка спускалась под гору в село и на протяжении километра шла параллельно реке, образуя полосу земли, шириною до 15 метров, на которой и возник лет 150 тому назад большой остановочный пункт - старый Боготол. Невольное чувство какой-то жути охватил меня. Мне представилось бесконечно пыльная Сибирская дорога с ее бесконечными обозами, с большими, беспорядочно бредущими группами рваных арестантских халатов, со сгорбленными под тяжестью горя спинами, с опущенными головами. «Идут они с бритыми лбами, шагают вперед тяжело, на брови надвинута шапка, на сердце раздумье легло. Идут с ними длинные тени, две клячи телегу везут, лениво сгибая колени, конвойные с ними идут. А цепи, железные цепи, дорогу метут, да метут». Я сбросил с себя призрак, навеянный песней, и начал осматривать окружающую меня обстановку.

Под моими ногами находилась простая, широко наезженная проселочная дорога, идущая на Косуль, не сохранившая никаких признаков когда-то знаменитого Сибирского гужевого тракта, не было видно ни обычных дорожных канав, ни выпуклой проезжей части пути - всесильное время уничтожило все это, сохранив лишь мощные стены былого этапа, построенные из великолепного кондового сибирского леса. Я обошел вокруг уцелевшего этапного здания, проник внутрь и стал рассматривать облупившиеся гладкие деревянные стены - они все были густо покрыты небольшими тянущимися снизу вверх припалинами. Очевидно, что тучи неизбежных спутников всех подобных казенных учреждений - клопов, падали по ночам на изможденные тела арестантов и безжалостно сосали кровь, а взбешенные люди хватали в руки восковые или сальные огарки, жгли на стенах клопов. Рассматривая эти изожженные стены, я обнаружил на них нечто и другое - все гладкие стены между пожогами были покрыты карандашными надписями, в которых неизменно сообщалось следующее: «Прошел такой-то губернии, такого-то уезда, такой-то волости, такого-то селения, имя, отчество и фамилия». Очевидно и на этом, пропитанном человеческими страданиями, пути, сохраняется у человека потребность увековечить чем-либо свое имя.

Я расспрашивал старожилов, помнящих эти этапные времена, и они рассказали мне следующее: «Рано утром, когда поднимался этап с ночевки и строился на поход, сопровождающие его конвойные играли в рожок, а сердобольные хозяйки, всегда зажиточно живших сибиряков, выносили к проходящему этапу пшеничные калачи да пышные шаньги и подавали их арестантам, стремясь хотя бы куском хлеба облегчить тяжелую участь этих людей».

Я как-то бродил с ружьем за плечами по Владимировской дороге за мельницей Сверлова - там ,по горе, с правой стороны косачи, стрельба по которым на их взлете представляет истинное наслаждение для охотника. Бродя по перелескам с ружьем наготове, я не раз попадал в какие-то неглубокие и во множестве здесь нарытые ямы и заинтересовался ими. Оказалось, что яма была вырыта в крупнопесчаном грунте, который считается лучшим материалом для ремонта грунтовых дорог. Так вот откуда брался материал для поддержания в порядке Сибирского гужевого тракта, подумал я. Отсюда на своих таратайках брали песок и возили его для ремонта на доргу привлекаемые к тому в порядке натуральной повинности окрестные крестьяне. Но вот прошла сибирская железнодорожная магистраль, прекратился этот изнурительный принудительный труд, перестали с утра до вечера визжать по морозному снегу полозья саней, перевозящие из Кяхты на Россию в цибиках чай, перестали на заре играть сигнальные рожки конвойных солдат, сопровождающие каторжные этапы. В 1911 или 1912 был куда-то увезен и старый остов Боготольского этапа. Девятнадцатый век и сибирская «Владимировка» ушли в вечность.

ДЕРЕВУШКА БОГОТОЛ-ЗАВОД И ЛЕСНАЯ ШКОЛА

Прогуливаясь как-то с берданкой на плече без особого охотничьего успеха около озера Битятского, я решился осмотреть руины когда-то бывшего здесь винокуренного завода и расположенную близ него Боготольскую лесную школу. Поднявшись от озера на высокий берег, я нащупал на нем небольшую тропинку, огибая по ней спускающиеся с горы перелески, к деревушке, расположенной по обе стороны широкой улицы, поднимающейся в гору. Деревушка не представляла ничего особенного - небольшие крестьянские избушки, огороды при них да стоящая в нагорной части улицы небольшая деревенская часовенка. Вот и все, что я нашел здесь. «А где же завод?» - подумал я. Я обратился с этим вопросом к первой попавшейся мне в деревне женщине, и она указала мне на небольшой пустырь у подножья сопки на берегу небольшой, протекающей здесь речушки. Да, действительно, здесь когда-то было заводское предприятие, о чем говорили брошенный за ненадобностью в речку и наполовину занесенный песком паровой котел с сухопарником на боку, да кое-где чуть заметные кучки мусора, поросшие бурьяном. Я взял палку и начал разрывать одну из таких заметных куч - внутри оказались битые кирпичи - вот и все, что осталось от заводского предприятия. Очевидно, люди хорошо поработали над ним, оставив только пустое место.

Хорошо наезженный проселок пошел от деревушки к реке, и я пошел по нему. Вправо простирались громадные пойменные луга, доходящие до села Боготола и кое-где покрытые кустарниками заросли, налево находились молодые сосновые леса, в которых близ дороги виднелись небольшие поверхностные разработки известняка, где заводчане ломали камень и, обжигая его, торговали известкой.

Не доходя до реки, дорога круто повернула налево и пошла по берегу. Вот послышался и шум горной речушки, именуемой здесь Гремячкой, на ней небольшой мостик, а за ним вдоль дороги пошла аллея из молодых пихт, что означало, что я приближаюсь к школе. Вот, наконец, и школа. Налево от дороги, поодаль от нее на слегка поднимающейся поверхности стояли четыре новых одноэтажных здания - дом двух преподавателей, собственно школы и дом лесничего - заведующего школой. Направо, между дорогой и рекою находилось плохо огороженное пространство, занятое, очевидно, запущенным, древесным питомником. Я с большим вниманием издали начал рассматривать школу.

10 лет тому назад после окончания уездного училища я делал попытку поступить в такую же школу, но потерпел неудачу. На вступительные конкурсные испытания в нее явилось 72 молодых человека, среди которых по росту я был самый маленький. После письменных испытаний была отсеяна половина, затем значительное количество потерпело крах на устных, в том числе и я. Объявляя результаты испытаний, начальство заявило, что много званных, но мало избранных и приняло в 1-й класс только 4-х человек - двух на стипендию и двух на свой счет. Да, попасть в наше время в лесную школу и окончить ее, считалось большим счастьем, ибо на всю поросшую лесами необъятную Россию вначале было последнему времени число их было доведено до 33-х. Школы эти имели 2-х годичный курс обучения и в них преподавались следующие предметы: 1 - Закон Божий, 2 - русский язык, 3 - арифметика и зачатки геометрии, 4 - объяснение явлений природы, 5 - зачатки строительного искусства, 6 - съемка и нивелировка с черчением планов, 7 - лесоводство, 8 - лесные законы с канцелярским делопроизводством. Ежегодний прием в школу производился только в 1-й класс и не превышал 10 человек. По положению о лесных школах в них должны поступать окончившие 2-классные МНП училища, но в силу большого количества желающих поступать они укомплектовывались лицами с более высокой подготовкой, иногда в них шли даже народные учителя, так как положение лесного кондуктора, имеющего право носить форму чиновника лесного ведомства и получать 35 рублей в месяц, считалось более завидным, чем положение бесформенного и ниже оплачиваемого народного учителя. Учитывая все сказанное, становится понятным, с каким захватывающим интересом рассматривал я эти простые школьные здания, надеясь, что, может быть, кому-либо из самых счастливых, оканчивающих Боготольское двухклассное МНП училище, моих учеников удастся поступить и окончить эту ценную школу.

Закончив наружный осмотр лесной школы, конечно, не смея проникнуть внутрь ее, я решил правым берегом реки возвращаться домой. Дорога шла прелестными пойменными лугами заводской стороны. Вправо от дороги попадались небольшие озеренки, на основании положения о Сибири, густо заселенные привольно живущими в них карасями, иногда попадались небольшие заросли черемушника и калины, обвитые с ног до головы гроздьями дикого хмеля. Слева поблескивал широкий Чулым, богатый разными видами речных рыб до осетрин включительно. Я шел и думал - как хороша, как богата Сибирь!

ЧЕМ ЗАНИМАЛИСЬ ЖИТЕЛИ СТАРОГО БОГОТОЛА

Мне трудно дать исчерпывающую картину трудовых занятий жителей старого Боготола, ибо я был лишь временным пришельцем в это село, я был молод, занимался только школой и самообразованием и не вникал в окружающую меня жизнь. Делая редкие вылазки за село в сторону Косули или в сторону деревни Владимировка, я всюду видел покосы, перепаханную землю или колосящуюся на ней пшеницу и заключал, что здесь все коренные жители села имеют свои собственные земельные наделы, на этих наделах у них построены заимки, где они и живут всю страдную пору и держат свой скот. Некоторые из этих заимок были давно хороши по своему местоположению, например, Пестеревская заимка на высоком берегу над рекой Чулым километрах в девяти от села, Спиринская заимка по берегу той же реки километрах в 12 от села и др. На них жили хозяева круглый год. Я бывал на этих заимках в пору чудной ранне-весенней охоты на зайцев и косачей, я бывал на этих заимках и летом при поездках на пикники и с удовольствием вспоминаю о них до сих пор.

Занимаясь в первую очередь своим наделом и сельским хозяйством на нем, многие предприимчивые люди хорошо подрабатывали на торговле, на ремеслах, а до проведения железной дороги на сильно развитой тогда ямщине. Против школы через дорогу стоял большой новый двухэтажный дом крестьянина Григория Михайловича Горностаева, он, несомненно, имел надел, но подрабатывал и на других видах труда. В верхнем этаже его дома квартировал переселенческий начальник Тарнопольский - вышедший в отставку бравый офицер с постоянно находящейся на его груди пышной розеткой какого-то ордена. Мы из школы могли наблюдать ежедневно, как господин начальник с орденом на груди и портфелем под мышкой торжественно усаживался в пролетку и выезжал в Боготол, очевидно, встречать переселенческий поезд, состоящий из вереницы теплушек да вагонов четвертого класса. В нижнем этаже этого дома проживал сам Горностаев и находилась его мелочная лавочка, а во дворе стояла столярная мастерская, в которой он делал столярную мебель и, между прочим, школьные парты с откидной на петлях верхней доской, при покраске их масляной краской по цене 3 руб. 50 коп. за штуку. А изящные мореные и лакированные парты со скользящей верхней доской по цене 7 руб. за штуку.

4

Село Боготол в начале века

(Продолжение. Начало на стр.5, 6,7)

Я узнал впоследствии, что постройкой нашего двухклассного училища в свое время занимался Григорий Михайлович, и это дело он выполнил неплохо. Горностаев жил зажиточно.

Я никогда не видел, чтобы Григорий Михайлович занимался наемным трудом - он работал сам, работала его жена, два подрастающих сына - Алексей и Михаил. Возможно, что в чем-нибудь ему помогал и озорной младший сынишка Васютка, ученик младших классов нашей школы.

При подъеме по главной улице села в гору, в сторону Косули в середине левой стороны улицы стоял длинный одноэтажный деревянный дом высокого, рослого с бородой, симпатичного и необыкновенно вежливого крестьянина Леонтия Ивановича Изосимова - бессменного церковного старосты Боготольской церкви. У Леонтия Ивановича была лавочка в селе Боготоле, в которой торговал он сам и такая же лавочка в городе, в которой торговал его старший сын Яша. Я иногда заходил в лавочку Леонтия Ивановича ,и мы беседовали с ним на разные темы, касаясь иногда и сельского хозяйства. Леонтий Иванович имел земельный надел, обрабатывал его и утверждал, что с каждой обработанной десятины земли (1,1 га) он собирает 80 пудов (13 центнеров) пшеницы.

По правой стороне той улицы, на которой стояло двухклассное училище, был большой двухэтажный дом вежливого и услужливого крестьянина Михаила Степановича Шалыгина. У него в нижнем этаже была лавочка, в которой я никогда не бывал, зато отлично знал его вывеску над лавочкой, гласящую: «Торговля М. С. Шалыгина», ибо на этой вывеске увлекшийся делом маляр в слове Шалыгин перевернул букву «л» задом наперед, на что я всегда, проходя мимо лавки, обращал свое внимание. Михаил Степанович имел земельный надел, обрабатывал его, торговал в лавочке да, кроме того, со своим сыном Игнашей гнал в своем доме крендели-сушки, на село и город Боготол, отчего жил достаточно зажиточно. На другой стороне речушки, что впадает в реку Чулым у села, стояла последняя линия домов села Боготол, среди которых жили три кустаря - кожевенные заводчики - Кудояров, Лысенко и Косов. Первым от реки Чулым в этой линии домов стоял длинный одноэтажный дом нашего школьного попечителя Алексея Сидоровича Кудоярова. Отличный это был человек. Как-то само собой без шума и даже без разговоров производился в школе нужный ремонт, незаметно для нас, учителей, доставлялось топливо, керосин, подбиралась хорошая школьная прислуга. У Алексея Сидоровича и по дому все делалось как-то само собой, все шло, как говорят, колесом. Старший сын Кузя жил в городе Боготоле и торговал в хорошем каменном обувном магазине, второй сын, Александр, управлялся со всеми делами на находящемся при доме небольшом клюквенном заводе, дочь Марфунька помогала матери по дому, младший сын учился в Томском реальном училище, затем перешел в университет, по окончанию его работал известным врачом в Уфе. Заветной мечтою Алексея Сидоровича было устройство в Боготоле небольшой спичечной фабрики на основе осиновых насаждений, росших в местных лесах, из которых делается соломка для спичек и стружка для спичечных коробок, но разразившаяся в 1914 году немецкая война и последовавшая за ней революция ударили по этим энергичным и предприимчивым рукам - Алексей Сидорович бросил все и переселился в Томск, а сын его, Александр, по слухам где-то около Кульджи перешел границу, ушел в Китай, где и начал заниматься кожевенным делом. Рядом с домом Кудоярова стоял дом крестьянина Лысенко, который также занимался выделкой кож на подошву и стельку.

Я видел, как старик Лысенко, принимая для выделки кожу, старательно каракулями писал что-то в своей записной книжке, а потом длинным шилом долго накалывал кожу у хвоста, нанося на ней опознавательные знаки.

На самом краю этого кожевенного завода стоял большой серый двухэтажный дом крестьянина Григория Григорьевича Косова, а рядом с ним небольшая каменная кладовка типа лавочки. Во дворе у Косова был тоже небольшой кожевенный завод, и его сын Алексей показывал мне, как он большим двуручным ножом, похожим на плотничью скобель, умело бланжирует сапожные, отлично проработанные вытяжки, снимал с поверхности кожи тонкую природную поверхность пленки.

Несколько крестьянских семей села Боготол занимались выделкой строительного кирпича. Километрах в двух от села, вниз по реке, на высоком берегу Чулыма стояли длинные двухскатные, крытые соломой сушильные сараи и напольные обжигательные печи при них. Здесь на кирпиче трудился со своей семьей известный на селе мой знакомый крестьянин Иван Алексеевич Мороченко. Шатаясь с ружьем или по озерикам забоки (низина ниже села) или по перелескам между водяной мельницей и кирпичными сараями, я часто заходил на сараи Мороченко поболтать на житейские темы или поговорить о кирпиче, в котором я в ту пору уже начал кое-что понимать. Тяжелый труд - кирпичное производство. Чтобы заняться им, надо затратить значительные для крестьянина средства и большой труд в постройку сараев, глиномялку и кирпичеобжигательную печь с шатровой кровлей над ней и трудиться, трудиться без конца над подвозкой глины и воды, над мятьем глины, на ручной формовке, сушке, правке и обжиге кирпича с затратой большого количества топлива. Много раз каждый кирпич должен побывать в руках, чтобы можно было его продать по 1 копейке за штуку, или, что тоже по 10 рублей за тысячу. В Боготоле все мы очень уважали Ивана Алексеевича - это был чрезвычайно приветливый и услужливый человек, в церкви - хороший псаломщик, в обществе - шутник и балагур. Особой склонностью его было желание угодить наезжавшему на село начальству, за что и начальство не забывало его - Иван Алексеевич был награжден каким-то знаком и медалями, каковые он с достоинством носил на темно-сером хлопчатобумажном пиджаке, облекаясь в него в праздничные и торжественные дни, при посещении уважаемых лиц с праздничными визитами на Пасху и на Рождество, при явке к начальству. Он часто навещал волостное правление, был членом правления кредитного товарищества и непременным участником всех общественных начинаний. Кроме Мороченко мне нравился еще один Боготольский крестьянин - Петр Николаевич Екимов, дом которого находился против двухклассной школы, немного наискосок и был 3-м домом от угла. Петр Николаевич занимался исключительно пашней, имел большую семью и плодовитость объяснял предопределением судьбы, так как еще до женитьбы на благотворительной лотерее ему повезло выиграть не что иное, а курицу с целым выводком цыплят. Дом его был опрятен и в одной из его комнат квартировали учителя, столовался с ними и я.

Петр Николаевич, как и Мороченко, состоял членом правления кредитного товарищества, но отличался от этого шутника своей сдержанностью, спокойствием и деловым рассудком. Меня в Боготоле удивляло то обстоятельство, что при изобилии в местных озерах и в реке Чулым рыбы, а в окрестностях дичи, в нем никто не занимался вплотную ни охотою, ни рыболовством, считая это баловством. Зато по этой части нас всех удивлял местный почтальон Александр Дмитриевич Силин. Этот расторопный человек, несмотря на свою, немного искалеченную, ладонь правой руки, успевал везде: он ежедневно ездил в город за почтой и разносил аккуратно ее по селу, он из тонких черных катушечных ниток вязал очень чувствительные сети. Он один, спускаясь самосплавом вниз по реке, успешно ловил рыбу и в то же время как-то успевал в озерах охотиться на уток, а по полям - на косачей. Искусный это был человек. Он мне показывал самодельную малоколиберную винтовку для косачей, ствол которой он выточил из головки стального рельса, патроны для нее он делал из жести. Все село чрезвычайно тяжело переживало его трагическую гибель. Во время разноса почты на него наскочил пьяненький мусорный паренек Федька Бадрин и ударом ножа убил наповал. Узнавший о гибели отца сын - подросток Силина, прибежал в дом Бадрина вытащил Федьку из-под лавки и тоже убил. Суд оправдал подростка, как действующего в состоянии невменяемости.

УЧРЕЖДЕНИЯ СЕЛА БОГОТОЛ

Примерно до 1920 года село Боготол было административным центром Боготольской волости, в подчинении его находился железнодорожный поселок Боготол, в последствии переименованный в город, деревни Владимировка, Дворниково, Шулдат, Боготол-Завод и село Тюхтет, Большой Косуль и, кажется, село Краснореченское. Как в административном центре, в нем была камера мирового судьи, канцелярии станового пристава, больница, почтово-телеграфное отделение и кредитное товарищество, а основным учреждением было Боготольское волостное правление. Отличным местом прогулок молодежи села была, да, наверное, остается и теперь, набережная реки Чулым от волостного правления до часовенки на месте когда-то бывшей здесь церкви.

Выходя через базарную площадь на реку, мы всегда проходили мимо большого одноэтажного волостного правления и стоявшего против него домика волостного писаря Иосифа Казимировича Гедройца, в окнах которого висели красивые тюлевые занавески, а на подоконниках находилось множество разных цветов, которыми увлекалась его дочь Сусанна Иосифовна. Если два здания и не составляли одного целого, то они были и неотделимы друг от друга, ибо в течение 40 лет Боготольское волостное правление нельзя было представить без Иосифа Казимировича, а по селу, я позволю себе рассмотреть их рядом и во взаимной последовательности.

БОГОТОЛЬСКОЕ ВОЛОСТНОЕ ПРАВЛЕНИЕ

Судя по одинаковой степени потемнения свежепостроенных стен, по здоровой русской сметке при планировании, по качеству выполненных работ я заключаю, что Боготольское волостное правление строилось тогда же, когда строилось и двухклассное училище, то есть около 1895 года и что в работе его принимал участие все тот же доморощенный строитель и искусный столяр Григорий Михайлович Горностаев. Когда я поднялся на высокое крыльцо волостного правления, прошел соответствующие ему сени и открыл входную дверь, я очутился в большой просторной комнате, метров 6 шириной и метров 10 длиной, очевидно назначенной для общих волостных собраний. Налево у окон стояли большие рабочие столы помощников волостного писаря, а в середине направо - проход к каталажным камерам и помещение дежурных. Прямо через эту залу, против входной двери, находилась широкая полустеклянная всегда открытая дверь, ведущая в парадно обставленное присутствие, вправо от которого находился волостной архив, заставленный шкафами и полками. Всюду было чисто, светло, тепло. На меня довольно значительное впечатление произвела обстановка присутствия, явно рассчитанная на возбуждение в посетителе-крестьянине чувства глубокого уважения к учреждению, и начал рассматривать ее. Среди комнаты присутствия стоял массивный длинный стол, накрытый зеленым сукном, с золотистыми бахромками по краям и такими же кистями на углах. Посредине стола, под большим стеклянным колпаком находилось так называемое «Зерцало» - красивая трехгранная призма, стоящая на разных золоченых ножках и увенчанная государственным гербом - золоченым двуглавым орлом, накрытым короною. На гранях призмы в золоченых рамках под стеклом были помещены царские указы, говорящие о законности и, между прочим, указ Петра Великого о том, что в своей деятельности граждане не могут оправдываться незнанием закона. В дополнение к этой обстановке в простенке между двумя окнами, против входной двери, в присутствии помещался в широкой раме громадный портрет в то время царствующего императора Николая-11. Государь был изображен в натуральную величину, стоящим на великолепном ковре у стола, накрытого зеленым сукном с золотыми бахромками и кистями и одет был в красный офицерский костюм, расшитый золотыми шнурками. Я тогда начинал работать масляными красками, копируя любимые картины, а по сему, заинтересовавшись несомненным мастерством художника, спросил у Иосифа Казимировича - кто писал картину. Он улыбаясь, ответил: «Самоучка, Итатский волостной писарь Всеволод Ложкин». «А кто делал раму?» «Раму делал тот же искусный столяр Горностаев» - ответил он. Я видел, чтобы набрать внушительную ширину золотого багета, соответствующую величественному портрету, мастеру пришлось подбирать два разных профиля нормального багета склеить их и уже тогда вязать раму. Надо признаться, что вся эта группа: красиво убранный стол с зерцалом и портрет, будучи видимы через широкую дверь присутствия, на всякого, входящего в волостное правление, производили громадное впечатление, вызывая, может быть, даже некоторое благоговение к этому скромному учреждению. Налево от входной двери в присутствии, в углу у окна стоял скромный письменный стол волостного писаря с непременными на нем большими счетами, письменным прибором и серией разных ручек, из которых своими размерами и своим длинным и тонко отточенным концом, выделялась одна. Около стояли венские стулья - мы присели на них и начали беседу. Я был горожанин, а посему плохо понимал сферу деятельности волостного правления и в особенности структуру волостного суда и попросил Иосифа Казимировича хотя бы коротко рассказать о них. Старик, ему было тогда около 70 лет, охотно удовлетворил мою просьбу, рассказав, что для волостного суда не существует особого кодекса законов, а все дела в нем решают по совести, на основании местных обычаев, что наказания состоят из выговора, штрафа до 30 рублей, из простого или строгого ареста (на хлебе и воде до 30 суток) и даже сечения розгами до 20 ударов.

Каждое селение, входящее в волость, выбирает кандидатов в волостные судьи с таким расчетом, чтобы общее количество их было не менее 8, из которых крестьянские начальники выбирают н-х судей и н-х кандидатов к ним, при чем срок службы судей 3 года, а вознаграждение 60 рублей в год судье и 100 рублей в год председателю. Обжалование на решение волостного суда приносится в съезд крестьянских начальников. Ведению волостного суда подлежат гражданские дела без ограничения суммы в недвижимом имуществе, входящем в состав крестьянского надела, до 500 рублей дела о наследовании в крестьянском вне надельном имуществе и до 800 рублей все прочие дела. Из дел уголовных в компетенцию волостного суда входили кража и мошенничество с оценкой до 50 рублей, мотовство, если они влекли за собой расстройство хозяйства. Говоря о волостном правлении, Иосиф Казимирович разъяснил мне, что в состав его, под председательством выборного волостного старшины, входят все сельские старосты, помощники волостного старшины и особые волостные заседатели, которые решают следующие вопросы: 1 - производство денежных расходов, утвержденных волостным сходом; 2 - продажу крестьянского имущества по взысканиям казны или частных лиц; 3 - назначение и увольнение лиц, служащих по найму. Слушая того необыкновенного вежливого и скромного человека, чувствовалось, что этот незаметный паровоз, который по рельсам законности вот уже 40 лет ведет поезд, состоящий из теплушек и вагонов 4-го класса, в которой в угоду демократическим началам, насажены все эти малограмотные и полностью безграмотные волостные старшины, сельские старосты, разные заседатели и волостные судьи.

(Окончание в следующем номере)

5

Земля Боготольская 1995 год № 19 января

К 70-летию Боготольского района

Село Боготол в начале века

(воспоминания учителя двуклассного МНП училища А.А.Наумова)

ИОСИФ КАЗИМИРОВИЧ ГЕДРОЙЦ

Несомненно, самый популярной и более всех уважаемой личностью не только в селе Боготол, но и во всех селениях когда-то громадной Боготольской волости, был и до конца дней своих оставался боготольский волостной писарь Иосиф Казимирович Гедройц. История первого периода его жизни вне Боготола для нас не ясна, как остается неясной история многих других значительных людей, не по своей воле переселившихся в Сибирь.

Мне, пишущему эти строки, около 5 лет пришлось жить с ним под одной кровлей, беседовать на разные темы, пользоваться его помощью и покровительством, но никогда я не смог осмелиться расспрашивать о его прошлом, не желая тревожить возможно еще незажившие раны, которые причинила ему мачеха-судьба.

К числу неопровержимых данных, проливающих некоторый свет на его прошлое, несомненно, относятся фотографии, которые мне пришлось видеть в его семейном альбоме.

К числу наиболее ранних снимков относится фотография вихрастого кадетика, одетого в черный кадетский мундирчик и белые лосиные брюки. «Это мой папа, когда он был кадетом»,- говорила мне его дочь.

Я помню фотографию большой группы офицеров какого-то полка, среди которых в чине штабс-капитана был и Иосиф Казимирович. «Это мой папа, когда он был офицером», - опять-таки говорила мне его дочь.

Наконец, у меня сохранилась фотография какой-то хорошо одетой молодой женщины или девицы с толстой косой, спущенной через плечо на грудь. Из-за этой особы он дрался с кем-то на дуэли. Осматривая эту фотографию, снятую в Петракове, мы на обратной стороне карточки находим запись, сделанную, несомненно, рукою Иосифовича Казимировича: «Получил 1 мая 1875 г. в четверг в 7 ч. 15 м. вечера», а внизу надпись: «Когда взглянете на меня, вспомните искреннего друга Вашего К. ПРОТОПОПОВУ.»

В качестве безделушек, долго хранившихся на письменном столе его дочери, я видел фамильную сургучную печать Иосифа Казимировича с ручкою в форме рыцаря, вынимающего из ножен меч. На лицевой стороне печати был изображен фамильный герб, изображающий коня с туловищем человека, натягивающего лук и стрелу, а внизу на польском языке надпись «И. Гедройц». Вот и все вещественные доказательства о досибирском периоде жизни Иосифа Казимировича.

Из наиболее старых сибирских фотографий следует считать его семейную фотографию, снятую, очевидно, в 1886 г., на которой он изображен с женою Прасковьей Захаровной, приемным подростком-сыном Степой Конобасовым и своей единственной дочерью -малюткой Сусой, родившейся в 1885 г.

Лица, хорошо знавшие Иосифа Казимировича, а равно его жена и дочь, говорили мне, что он происходил из знатного рода польско-литовских князей Гедройц, что и теперь где-то в Минской губернии имеется их родовое поместье Гедройцы, что он сослан в Сибирь за участие в мятеже и теперь ему возвращено дворянское звание и право вернуться на Родину, но он решил остаться в Сибири при своей боготольской семье.

Пользуясь теми ничтожными данными, которые я уже приводил относительно его прошлого, можно заключить следующее:

Так как Иосиф Казимирович умер в 1917 г. примерно в возрасте 78 лет, то его годом рождения условно можно считать 1840 г., в силу чего во время крупнейшего польского мятежа 1863-64 г. ему было только 23 года, в каковом возрасте он мог иметь чин подпоручика или поручика, но не чин штабс-капитана, в каковом он снят на групповой офицерской фотографии. Следовательно, он непосредственного участия в польском мятеже 1963-64 г. не принимал. Его собственноручная подпись на фотографии Протопоповой, из-за которой он, как офицер, дрался с кем-то на дуэли, относится к 1875 году, а семейная сибирская фотография, на которой он выглядит вполне окрепшим семьянином, относится к 1886 году, следовательно, роковым годом, круто изменившим его судьбу, следует считать примерно 1879 год. В эти времена, очевидно, были массовые выступления мятежного характера, так называемых, польских конфедератов, которые и после подавления польского мятежа продолжали борьбу за независимость Польши.

Моя память восстанавливает одну из бесед с Иосифом Казимировичем, во время которой он говорил мне об одном, недостаточно согласованном во времени мятежном выступлении двух группировок польских конфедератов, к одной из которых он принадлежал. В силу этой несогласованности было быстро ликвидировано русскими войсками. Я тогда недостаточно вник в этот рассказ, не принял мер к его уточнению, так как стремился не затрагивать вообще его печально закончившегося прошлого.

Оказавшись в Сибири в должности Боготольского волостного писаря, Иосиф Казимирович женился на вдове, очевидно, своего друга-торговца Ивана Конобасова, двухэтажный дом которого с лавочкою внизу находился на главной улице села, на левой стороне по ходу в деревню Владимировку, дальше поселенческой богадельни на втором углу имеющегося здесь переулка, выходящего на выгон за кладбищем. Очевидно, во время постройки нового здания волостного правления дом этот Иосифом Казимировичем был перенесен на Береговую улицу и поставлен в виде одноэтажного здания против волостного правления, где он стоит до сих пор.

Первые сведения об этом замечательном человеке я получил за 100 км от Боготола в селе Тисули Мариинского уезда, где я работал учителем двухклассного МНП училища и жил на квартире у очень хорошей хозяйки - вдовы какого-то канцелярского работника - Марии Николаевны Майбороды, которая неоднократно расхваливала его в разговорах со мною.

Перейдя на службу в с. Боготол и устроившись на квартире у польского дворянина Страшевича, необыкновенно уважавшего Иосифа Казимировича, я часто выслушивал от него различные отзывы о его дочери Заинтересовавшись ею, в 1912 году женился на Сусанне Иосифовне и в течение 5 лет наблюдал эту трудовую и абсолютно честную жизнь.

С точностью хронометра в течение 40 лет Иосиф Казимирович нес трудные обязанности волостного писаря, отдавая им от 11 до 12 рабочих часов в день. Он вставал в 7 часов утра, в 8 часов был уже в волостном правлении, а в 9 или 10 часов вечера возвращался домой с перерывом в 1,5 часа на обед, короткий отдых и последующий за ним стакан чаю.

Нужно было видеть, чтобы понять то исключительное уважение, с которым относились к своему писарю посетители волостного правления, будь то боготольские городские купцы или простые деревенские мужики. «Наш Иосиф Казимирович отлично знает наши нужды», - говорили они. Еще издали увидит он мужичка, идущего в волость, и уже знает, зачем мужичок идет и что для него нужно сделать.

Часто в то время можно было наблюдать высокую коренастую фигуру в домотканом шерстяном халате и войлочной шляпе крестьянина Домненко, важно шествующего в волость.

«Вот, Домненко опять идет с жалобою на своих односельчан», - бывало, скажет Иосиф Казимирович. И, действительно, было так. Домненко буквально изводил своих соседей, принося на них жалобы в волостной суд по самому ничтожному поводу.

В связи с этим я как-то спросил Иосифа Казимировича: «Может ли общество удалить из своей среды склочника?» «Может, - ответил он, - для этого нужен мотивированный приговор сельского схода и его обязательства - принять на себя все расходы по выселению и устройству высылаемого на новом месте. А у Домненко большая семья. Это будет стоить очень дорого, и общество на это не пойдет». Большим уважением Иосиф Казимирович пользовался со стороны начальства, посещавшего волостное управление по служебным делам. Крестьянские начальники и уездное воинское присутствие, производившее рекрутский набор в Боготоле, считали своим долгом навестить его на дому. За честный и усердный труд он был награжден двумя малыми и одной большой золотой для ношения на шее на орденской ленте медалью. Много жизненных курьезов пришлось наблюдать Иосифу Казимировичу за время его сибирской службы. Об одном из которых, с его слов, я и расскажу. В 1892 году после своего 9-го путешествия по Европе, Индии, Китаю, Японии, возвращался домой через всю Сибирь на лошадях наследник царского престола Николай Второй. Путь его, между прочим, проходил через Боготол. Задолго до его приезда по всему гужевому сибирскому пути начались спешные работы: готовились переправы, чинились мосты, подсыпалось и выравнивалось дорожное полотно. В селе Итат, тогда входившем в состав Боготольской волости, строился летний павильон для завтрака наследника. Основным блюдом завтрака должны быть тушеные сибирские рябчики. В качестве представителей населения была собрана группа бородатых волостных старшин, которая должна была встретить государя с традиционным хлебом-солью и преподнести к завтраку сибирскую клубничку с молочком. Возглавить эту группу и приветствовать наследника было поручено Иосифу Казимировичу. Когда завтрак окончился и царский кортеж покинул Итат, местное начальство, в знак особой милости к представителям народа, распорядилось угостить старшин оставшимися от завтрака тушеными рябчиками. Когда волостные старшины были приглашены к столу и им были поданы тушеные рябчики, разыгрались совершенно неожиданные события. Отведав царского кушанья, все они начали немилосердно плеваться, возмущаясь: «Как можно было подавать такую пакость на завтрак государю?» Тушеные рябчики, приготовленные с разными специями придворным поваром на изысканный придворный вкус, произвели на них впечатление какой-то жареной тухлятины и гнили, совершенно неприемлемой для этих простых и наивных людей.

Отдавая работе по волостному правлению все время своей рабочей недели, Иосиф Казимирович отдавал на обслуживание крестьянских нужд и свой выходной воскресный день. Он вместе с крестьянами Иваном Алексеевичем Мироченко и Петром Николаевичем Екимовым составлял правление кредитного товарищества, производили в этот день кредитные выдачи ссуд и прием задолженностей. Являясь отличным заботливым семьянином, он был и крайне отзывчивым человеком на деле благотворительности. Я отлично помню момент, когда на обращение к нему за помощью какой-то Боготольской городской комиссии, устраивавшей в городе благотворительную лотерею, он снял со стены своей квартиры великолепные дорогие часы и пожертвовал их в пользу лотереи. Несомненно верующий, католик, он принимал значительное участие в постройке в городе Боготол по проекту архитектора Орженко римско-католического костела. Точно известно, что когда после постройки костела поднялся вопрос о сборе денег для приобретения колокола, Иосиф Казимирович взял из сберкассы свой личный вклад - 600 рублей, часть денег которого намечалось истратить на приобретение искусственных зубов, и отдал на приобретение колокола.

Как активный участник польского революционного движения, поплатившийся за это ссылкой в Сибирь, Иосиф Казимирович с удовлетворением встретил и нашу Февральскую революцию, и, чтобы поделиться этой радостью со мной, слал мне, тогда работающему в тайге, в закрытых пакетах выписываемую им газету «Русское слово». Но, к несчастью, я редко получал ее, в то время тяга к газете была настолько велика, что мои пакеты в пути бесцеремонно вскрывались, и газета исчитывалась до своего полного уничтожения. К середине лета 1917 года здоровье Иосифа Казимировича стало заметно ухудшаться: у него заболело горло, и его без особого успеха долго лечил боготольский железнодорожный врач. Затем он был на приеме у томского профессора Зимина, который обнаружил какие-то непорядки в сердечной деятельности. Уезжая в начале сентября на учебу в Томск, я оставил Иосифа Казимировича еще на ногах, но потом он слег в постель. В один из декабрьских дней, почувствовав заметное улучшение, устроился в сидячем положении на койке, попросил газету и почитал ее. Вечером он попросил свою дочь уложить его на бок, лицом к стене и, устраиваясь поудобнее, сказал: «Доченька, у меня в глазах...», - затих и спокойно умер.

По телеграмме жены: «Умер папа», я немедленно приехал в Боготол и, проходя через большую комнату квартиры Иосифа Казимировича, увидел в ней довольно большую группу католиков поляков, пришедших проводить отошедшего собрата. Все они спокойно сидели вокруг стола с телом покойного, тихо и слаженно пели грустные похоронные песнопения. Утром по делу погребения я был у настоятеля Боготольского костела. Меня встретил невысокого роста довольно молодой ксендз в красиво сшитой в талию черной сутане с раскрытым маленьким евангелием в руке. Он распорядился приготовить в ограде костела вправо от алтаря, могилу и доставить к вечеру в костел гроб с телом усопшего, чтобы он смог свою последнюю ночь на земле провести под кровлей храма.

Был морозный декабрьский день Много народу собралось провожать покойника Мужчины взяли гроб на свои руки и несли на протяжении всех 6 км. На следующий день, несмотря на усиливающиеся морозы, все эти люди снова пришли из села в город, отстояли в костеле заупокойную мессу и своими руками опустили покойника в могилу, на краю которой в немом оцепенении стояли его жена и дочь, на глазах которых, к моему удивлению, не было слез. Я невольно спросил жену: почему она не плакала когда опускали в могилу отца? «У меня так велико горе, что я не в силах выразить его слезами», - ответила она. Летом 1918 года на этой скромной и еле заметной в ограде костела могилке я поставил большой, черный католический крест. Посетив летом 1935 года эту могилку, я креста уже не нашел, но чья-то заботливая рука устроила на ней цветочную клумбу.

Осиротевшая семья Иосифа Казимировича - его жена и дочь, в 1922 году оставили свое насиженное место в селе Боготол и поехали за мной по местам моей службы. Супруга его, Прасковья Захаровна, умерла в глубокой старости в 1930 году в городе Петропавловске и погребена на ныне закрытом кладбище близ церкви. Через 7 лет после нее, 13 апреля 1937 года, в ту же могилу было опущена и ее дочь Сусанна Иосифовна Гедройц. Так далекая Сибирь сделалась второй Родиной польского революционера из фамилии князей Гедройц и приняла его, его жену и их дочь в свое материнское ложе.

Да будет вам пухом, скромные и честные люди, наша сибирская земля!

БОГОТОЛЬСКАЯ ПАРОВАЯ МЕЛЬНИЦА

За боготольской околицей, влево от дороги на Большую Косуль, на повороте реки в 1911 1912 годах стояла довольно значительная паровая мукомольная мельница Мамонтова. Я издали видел ее широкие въездные ворота, высоко поднявшую над ними длинную вывеску, ограду и два больших деревянных, в темно-синюю краску окрашенные здания, мельничный корпус и жилой хозяйственный дом.

Мельница, очевидно, обслуживала своим помолом окрестные селения, хотя старожилы рассказывали мне, что однажды с низов реки Чулым поднимался до мельницы буксирный пароход с баржами, привозящими на мельницу помольное зерно. В силу ли малодоходности этого предприятия, или в силу иных финансовых затруднений ее владельца, мы однажды узнали о том, что мамонтовская мельница через банк перешла в другие руки. Ее по довольно низкой цене купил член Государственной думы от Самарской губернии Свешников. Сколь долго и как успешно работал на ней Свешников, я сказать затрудняюсь, но отлично помню, как в одну из темных ночей нас неожиданно поднял на ноги церковный набат: горела свешниковская мельница. Я быстро оделся и побежал к громадному костру - пылал мельничный корпус, объятый со всех сторон сплошным пламенем. Громадные языки огня с невероятным шумом поднимались ввысь, трещал и хлопал сухой лес горевших стен, валились в облаке искр, рушились крыша, полы, потолки. Огненная стихия бушевала с силой, о борьбе с которой нельзя было помышлять. Сбежавшийся народ бестолково шумел, окружив пожарище сплошным кольцом на приличном расстоянии от горевшего здания, а у него на глазах в черном барнаульском полушубке, с жестами крайнего отчаяния метался, как помешанный, мельничный хозяин, падая, как подкошенный сноп, в изнеможении на землю. В момент высокого напряжения нас внезапно посещает какое-то безотчетное чувство, под влиянием которого мы внезапно начинаем понимать больше, чем нам полагается. Под влиянием этого чувства я стал наблюдать за мятущимся в припадке отчаяния Свешниковым, заподозрив его в излишней театральности его жестов, в выборе пунктов, в форме досчатых настилов для своего падения А разбушевавшийся огонь, как громадный взбешенный зверь, с невероятным шумом все больше и больше подминал под себя свою жертву и вдруг из середины горящего корпуса неожиданно для всех что-то зафыркало, заурчало и залилось отчаянным, душу раздирающим звуком сирены, рев которой поднимался то до басовых нот, то неожиданно быстро переходил в пронзительный свист. Очевидно, гудела гибнущая в пламени пожара паровая машина.

(Окончание в следующем номере).

(6)

К 70 - летию Боготольского района Земля Боготольская 1995г. №10 21 января

Село Боготол в начале века

(воспоминания учителя двуклассного МНП училища А.А.Наумова)

Слушая этот раздирающий душу протяжный вой, оказавшийся среди прибежавшего народа машинист со слезами на глазах говорил о высоких качествах горящего английского локомобиля, о том, что, очевидно, разбита на нем стеклянная водомерная трубка, через которую с этим заунывным воем, похожим на звуки сирены, и выбрасывается котлом образовавшийся перегретый пожаром пар, предохраняя котел от неизбежного взрыва. Сирена заунывно гудела. Пожираемые огнем стены заметно оседали и рушились. Пожар заметно ослабевал. Поднятый заревом пожара и гудками свистящей машин город Боготол выслал на подмогу свой пожарный обоз, которому пришлось заливать оставшиеся от мельницы обгорелые головешки. Сбежавшиеся на пожар люди, допрашивали мельничных рабочих о причине пожара, а те отвечали им, что, оставляя работу, они видели мельницу в полном порядке, что последним ушел ее хозяин, что последний был беспокойным, как бы предчувствуя беду. Село говорило о несомненном поджоге, а местный ходатай по судебным делам, он же агент страхового общества «Саламандра», спокойным тоном пояснил, что владелец мельницы Свешников делал попытку перенести страховку из страхового общества «Россия» в страховое общество «Саламандра» по значительно завышенной оценке, что однако ему не удалось.

Навещая мельницу после пожара, я видел скромную попытку к ее восстановлению: было вырублено шесть рядов нового сруба у мельничного корпуса, а затем эти работы были прекращены. Затем с территории мельницы стали исчезать сначала этот сруб, затем немного пострадавший в огне английский локомобиль, затем исчез двухэтажный хозяйский дом, а потом и все остальное. Очевидно, во время первой мировой войны была снята паромная переправа через реку Чулым у села Боготол и перенесена на пять километров выше к деревне Боготольский Завод.

Проходя на эту переправу по левому берегу Чулыма, близ бывшей паровой мельницы, я мог наблюдать здесь только пустырь и ничего больше. Уехал из Боготола и депутат Государственной Думы Свешников, про которого злые языки говорили, что ликвидация Боготольской паровой мельницы с целью наживы - не первое его дело.

Боготольская учебно-показательная гончарная мастерская

В 1913 году близ Боготола были обнаружены значительные залежи гончарных глин, и губернское управление земледелия и землеустройства, очевидно, в порядке насаждения ремесел среди сельского населения, постановила организовать в селе Боготол учебно-показательную гончарную мастерскую.

Выехавший из Томска в Боготол специалист по керамическим производствам И. И. Туфанов арендовал для мастерской два лучших рядом стоящих двухэтажных дома купца Юдалевича, выписал с Украины инструктора и двух мастеров, с которыми и начал организационную работу. Следует отметить, что общественность села слишком равнодушно отнеслась к этому полезному мероприятию: то ли мало интересовала людей слишком прозаичная и дешевая продукция этой мастерской, то ли не привлекала их незавидная профессия гончара, но все мы не знали, что и как в ней делается и обратили на нее внимание лишь тогда, когда задымила ее высокая железная труба. Приехавший для обслуживания мастерской технический персонал в лице замкнутого и неразговорчивого инструктора - заведующего Ступко Григория Давыдовича и двух вечно вымазанных в глине его мастеров Сергея Михайловича Балицкого и Емельяна Парамоновича Лакоты тоже както держались от нас в стороне, и мы долго не знали друг друга. Прошло, наверное, не менее года со дня открытия мастерской, как однажды по случайному делу мне пришлось быть на ее дворе и наблюдать, как ее ученики отмучивали глину. Я в те времена оставил педагогический труд, изучал в Петербурге строительное дело, будучи теоретически уже знаком с технологией глин, невольно заинтересовался этим, на кустарный лад поставленным делом, видя, что и сам неразговорчивый заведующий Ступко, видимо, хочет познакомить меня с порученным ему делом. Посмотрев, как обучающиеся подростки деревянными веслами разбалтывают глину в большой деревянной бочке, наполненной водой, потом по желобам пускают глиняную муть в низкие небольшие отстойные ящики. Мы со Ступко пошли осматривать верхний этаж каменного корпуса, в котором помещались токарное и формовочное отделение мастерской и ее сушилка. В большой комнате токарного отделения стоял ряд гончарных станков, состоящих из вертикального железного вала, на нижнем конце которого имелось сделанное из досок маховое колесо, а на верхнем конце его - диск. Ученики сидели около своих станков и ритмичным движением правой ноги подталкивали нижнее колесо, которое, вращаясь, приводило во вращательное движение и связанный с ним диск, клали на центр его, соответствующий изделию, кусок хорошо промятой глины, смачивали его водой, образуя руками из куска тупой конус, а затем, надавливая большими пальцами обеих рук на верхнюю часть куска, а остальными пальцами на его бока, в процессе вращения придавали кусу различную форму домашней посуды: блюдечка, кружки, чашки, крынки и т. п. Для того, чтобы руки токаря были всегда гладкими и влажными, он смачивает их в болтушке из весьма мелкой глиняной массы, имеющей вид молока. Начальную значительную скорость диска формовщик использует для формовки, когда же скорость уменьшится, то он ею пользуется для подправки и окончательной отделки. Для получения точных форм формовщик употребляет лекала или шаблоны, вырезанные из металлических листов. Приставляя эти шаблоны вырезанной стороной к формируемому изделию, сообщает ему нужный контакт. Отформованное изделие отделяется от диска с помощью тонкой проволоки и переносится на сушильные стеллажи. Просмотрев ловкую и быструю работу подростков-токарей, я и Ступко перешли к осмотру так называемого формовочного отделения, в котором изготовляются глиняные изделия не круглой формы, сосуды с узкими горлами и изделия сложные, стенки которых украшаются выпуклым орнаментом. Стеллажи этого отделения были наполнены гипсовыми формами для отливки изделия, причем эти формы, как мне объяснили, изготовляются так. Пусть нам нужно по данному образцу начать изготовление сосуда для жидкостей с длинным и узким горлом, с выпуклыми украшениями на его боках. Сначала делают легко разбирающуюся в виде ящика досчатую форму со значительным запасом, вмещающую сосуд. Разводят до жидкого состояния гипс, наливают его на дно формы так, чтобы поставленный в середину сосуд своим верхом равнялся с краями формы и затем гипсом заливают пространство между стенками ящика и сосудом. Когда гипс схватится, затвердеет, деревянный ящик разбирают, гипс вместе с сосудом распиливают на такие части, чтобы их можно было удобно складывать и с помощью тонкой веревки прочно связывать. Когда распиловка гипса окончена, из его середины полностью удаляют все части залитого в нем сосуда. Собрав эти части и связав их веревкой, мы получаем форму, готовую для литья, называемого формовкой посуды. Мне показали способ формовки, который состоял в следующем: из отмученной глины делается водный раствор до степени очень густых сливок, которым до краев наполняется гипсовая форма. Так как гипс жадно поглощает в себя из раствора воду, то около стенок формы быстро создается сгущенный и уплотненный слой глины. Если теперь, после небольшого промежутка времени, вылить из формы жидкий раствор, то внутри формы остается отформованный сосуд, который после некоторой выдержки в гипсе можно вынуть из формы и поставить на сушильные стеллажи. После осмотра формовочного отделения мастер Лакото показал мне разделку гончарных изделий цветными рисунками. Дело это производится при помощи грушевидных резиновых баллончиков, продаваемых в аптеках для детских клизм, в сосок которых вставляется небольшой соломенный мундштучок, а во внутрь набирается жидкая цветная глина ангоба. Держа в правой руке такую грушу, и слегка сжимая ее, мастер выпускает через мундштук жидкую ангобу, которую кладет на расписываемую поверхность.

Лакото взял хорошо просохшую, красивой формы и тонкой токарной работы чайную чашечку, поставил ее на центр диска гончарного станка и, приведя его ногой в медленное вращение, стал накладывать на кромку чашки полоски разноцветной глины - ангобы, пока суммарная ширина их не достигла 5-6 миллиметров. Затем он взял палочку с прикрепленной к ней тонкой проволочкой и разрезал сверху вниз жидкую разноцветную ангобу, неожиданно для меня получились наклонные полоски, положенные по полю ангобы. Этот рисунок называется разрисовка «колоском». Я узнал, что высохшие гончарные изделия обжигаются дважды. Первый обжиг на черепок производится при температуре 800-900 градусов. После первого обжига гончарные изделия, подлежащие глазуровке, обмакиваются в жидкую болтушку из свинцового сурика или пережженного на фриту (свинцовый глет) и мелко размолотого свинца, который при втором обжиге покрывает изделия тонкой стекловидной прозрачной пленкой - глазурью, защищающей черепок от воздействия на него жидкостями и придающей ему красивый, блестящий вид.

Закончив осмотр верхнего этажа мастерской и переходя в деревянное здание для осмотра музея готовых изделий, мы на минуту задержались в горном отделении нижнего этажа, где шел обжиг гончарных изделий. Здесь среди полутемного и неуютного помещения стоял довольно большой и по форме круглый, с куполообразным верхом горн. В расположенных ниже уровня пола нескольких топках его, весело потрескивая, горели сухие дрова. Через устроенные на уровне глаз в стенках его небольшие смотровые отверстия, закрытые примазанным на глине стеклом, было видно, как внутри горна бушует сплошное море огня, как на дне этих узких каналов, будучи примазаны глиной к черепку, стоят небольшие белые пирамидки Иегира, по начавшемуся наклону которых, в силу их плавления ведущие обжиг люди заключают, что нужная для обжига температура получена, что следует прекращать штопку, закладывать кирпичом на глине топочные отверстия, оставляя горн в покое для его медленного остывания.

В двухэтажном деревянном корпусе мастерской были размещены классы, квартира заведующего и музей готовых гончарных изделий. Если при моем осмотре токарного и формовочного отделений мастерской ни процесс изготовления изделий, ни их сырой вид не смогли вызвать во мне чувства удивления, то все то, что я увидел в музее, буквально поразило меня.

На стеллажах по стенкам, на столах, на специальных подставках здесь были размещены сотни отлично отформованных художественно украшенных и блестящих великолепной глазурью изделий, начиная от безделушек и до серьезных вещей.

Здесь была масса различных флакончиков, вазочек, стаканчиков; изящных подставок для цветов, разных пепельниц и тому подобных вещей, какими обычно украшают этажерки, шкафы, столы. Здесь были целые сервизы отлично выполненной чайной и столовой посуды, большие декоративные вазы и блюда, отделанные замечательной лепкой живых цветов, гроздьями слив и винограда, и дорогие горшки для комнатных цветов и даже изящные скульптурного характера женские головки, сделанные способом формовки из нежных, теплого оттенка белых глин. Особенно понравились мне чайные сервизы по своей тонкой токарной работе и изящной форме, отделанные по кромке красивым «колоском». Хотелось пойти домой и выкинуть на свалку нашу неуклюжую и дико расписанную чайную посуду, заменив ее этими красиво обработанными гончарными изделиями. Вспоминая только что осмотренные мною токарное и формовочное отделения с их незавидными сырыми изделиями, невольно приходила на память простая русская пословица «Не смотри на дело, смотри на отделку».

Общественная жизнь и люди села Боготол

Обычными слагаемыми, составляющими культурно-общественную жизнь на селе, являются сплоченная сельская интеллигенция да наличие помещения, пригодного для устройства любительских спектаклей. Надо сказать, что Старый Боготол времен 1919-1920 годов по сути дела не имел ни того, ни другого, если не считать пригодным для этих целей длинный бревенчатый пожарный сарай, разделенный на две части выходящими на улицу коридором, в правой части которого находился пожарный обоз, а левая часть предназначалась для сельского театра. В этой довольно неприветливой и темной от грязи и копоти комнате имелось нечто подобное разборным на козлах подмосткам, да несколько простых, плотницкой работы скамеек - вот и все оборудование театра. И все же, несмотря на это очевидное убожество сельского театра и полное равнодушие к общественной жизни местной интеллигенции, примерно раз в год, и преимущественно летом, когда заскучает от безделья съехавшаяся на каникулы домой учащаяся молодежь, здесь устраивались любительские спектакли, на которых исполнялись водевили, одно- и двухактные комедии, после которых под гармонику проходили танцы. Иногда на одну гастроль задерживались в селе кочующие группы артистов в составе двух-трех человек. Они играли без сценических костюмов, без декораций, они собирали грошовые сборы и часто двигались в пешем порядке по заглохшему Сибирскому гужевому пути, пытаясь отыскать успех и сборы в таких же, как и Боготол, оставленных клокочущей жизнью селений.

Действительно после постройки великого Сибирского железнодорожного пути, носители культуры: артисты, писатели, певцы, совершая свои турпоходы по Сибири перестали сходить с железнодорожных рельсов, давая свои концерты и читая свои лекции лишь в попутных городах да в железнодорожных собраниях.

В 1911 году такую свою поездку по Сибири делал и писатель того времени, бывший священник Григорий Петров, прочитавший две свои лекции в городе Боготоле. Перед соблазном видеть и слышать своего рода знаменитость, сменившую длиннополый подрясник на элитный сюртук, отправился и я. Первую лекцию Петров читал на тему «Литература и жизнь», читал замечательно, я чувствовал, что у меня выросли крылья и я начинаю парить в облаках. Когда же я прослушал и второе его выступление на тему «Смысл жизни», то понял, что мои крылья внезапно исчезли, и я снова очутился на этой скучной земле. Ибо и новая тема для Григория Петрова оказалась, как и подрясник, ему не по плечу. Я уже касался удивительной разобщенности интеллигенции села Боготол. Мы, трое учителей двухклассного училища, никогда не бывали в Боготольской женской школе и не были знакомы с двумя замкнувшимися в своих стенах ее учительницами. Работники больницы не знали нас. Кто был в Боготоле начальником и чиновником почтового отделения, так же для нас оставалось неизвестным. Украинцы-гончары жили также отдельно своей хохлацкой семьей, вполне возможно, как москалей недолюбливали нас. Неудивительно поэтому, что дом местного священника Голубовича, в семье которого были три взрослых сына, дочь, зять-академист, в этом море безразличия и взаимной разобщенности, был тем притягательным островом, к которому тянулись тогда все мы. Я и жена ходили в этот дом запросто и довольно часто. Хорошим человеком был сам отец Леонтий. Священником он был только в церкви, дома же это был простой светский человек, приветливый и умный собеседник, интересующийся всеми проявлениями в жизни. Он раньше служил в Белоруссии, где много работал, занимаясь сельским хозяйством. Его сын Илья рассказывал мне, что его батько сконструировал там такую свою конную молотилку, которая гудела на все село, когда молотили поповский хлеб. Отец Леонтий не забывал и науку, видя, с каким трудом мы осваиваем уравнения высших степеней, говорил нам, что он до сих пор любит алгебру и часто, лежа на постели, берет и просматривает ее. Старший сын его Илья учился в духовной семинарии и не чувствовал склонности заниматься религиозными вопросами, после окончания четырех классов перешел в Киевский Коммерческий институт и теперь, отрастив большую бороду и приличное брюшко, собирался быть важным бухгалтером. Я часто наблюдал как ученый сын и всем интересующийся отец, рассматривая образцы бухгалтерских записей, спорят по вопросу о том, как лучше отразить в книгах ту или другую запись коммерческой операции. Несмотря на то, что Илья был священником и до института прошел духовное училище и четыре класса духовной семинарии, он был отчаянный атеист. Когда у меня с ним возникал спор религиозного порядка, он всегда обращался с вопросом: «Афанасьич, неужели ты веришь в эту волынку?»

(Окончание следует)

Продолжение. Начало в N 7-9.

Земля Боготольская 1995г 25 января №11

К 70 - летию Боготольского района

Село Боготол в начале века

(воспоминания учителя двуклассного МНП училища А.А.Наумова)

Второй сын Леонтия Иван, всеми именуемый Жан, был парнем другого порядка. Он любил церковное пение и часто регентовал на клиросе. Он окончил 6 классов духовной семинарии и, не собираясь быть священником, перешел на медицинский факультет Томского университета, после окончания которого работал врачом в городе Ачинске и Боготоле. Жан увлекался масляной живописью, этим же делом занимался и я. Мы оба вместе, копируя на больших полотнах картину Мясоедова «Рожь», взвалив подрамники на плечи, иногда уходили на пшеничное поле за село, дабы возможно ближе подогнать картинные детали под натуру. Жан любил шишкинскую «Рожь» и «Утро в сосновом бору» и копировал их. Любили историческую живопись Виктора Васнецова. Восхищались необыкновенной силой широкого репинского «Маяка», и беседовали о том, что не мешало бы писать картину приемом «мозаики», то есть чистыми красками, без смешения их. Третий сын отца Голубовича, Николай, не был ни атеистом, ни глубоко верующим. Он молодым баском помогал Жану на клиросе. Но от прохождения полного курса духовной семинарии воздержался, ограничившись четырьмя общеобразовательными классами, перейдя затем на учительскую работу в город Боготол.

Николай был заядлым охотником. Он целыми днями со своей двустволкой бродил за рекой, приносил домой убитых уток. Во время войны, когда было плохо с дробью, он из свинца делал отличную дробь, а когда исчез и порох, он из древесного угля и селитры научился делать и охотничий порох. Дочь отца Леонтия Шура после окончания епархиального училища была оставлена при нем классной дамой, вышла за преподавателя Томской духовной семинарии Василия Михайловича Сибирского. Позднее поступает в Томскую зубоврачебную школу и, окончив ее, работает зубным врачом. Сибирский с Шурой и я с женой часто с чайничком поднимались вверх по Чулыму выше водокачки, и на зеленой лужайке в тени деревьев разводили костер, кипятили чай.

При помощи дружной семьи Голубовичей я осуществлял свои летние затеи по походу с бреднем за карасями по озерам заречной стороны. С ними же удавалось организовать коллективные поездки на рыбалку на ночь на озеро Битятское, где из свежей рыбы в ведре варилась коллективная уха и выпивали по стаканчику. С Голубовичем же решались большие хлопотливые дела по устройству на селе любительских спектаклей, в которых все братья Голубовичи принимали самое живое участие.

ПЕРВОЕ ЗАЧАТИЕ БОГОТОЛЬСКОЙ СЕЛЬСКОЙ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

Перебираясь в конце 20 года из села Балахты Ачинского уезда на службу в город Барнаул, я по пути заехал на несколько дней в село Боготол, где проживала моя семья. Погода стояла отличная, дорога из села в город просохла и я, по образу пешего хождения, отправился в город, дабы кое-что купить и кое-кого повидать. С разгрома армии Колчака разросшийся за счет села пристанционный поселок Боготол объявил себя городом, входящим в состав Мариинского уезда, организовал упрощенное городское самоуправление и для заведования своими 4 классами организовал свой собственный отдел народного образования. Вот в это-то новоиспеченное горono я и решил зайти, чтобы встретить своего приятеля, - ранее заведующего высшим училищем Михаила Николаевича Штамова. Оказалось, что Штамов заведовал здесь школьным отделом. Узнав, куда я еду и зачем, Михаил Николаевич стал уговаривать меня остаться работать в городе Боготоле, предлагая на выбор любую из двух средних школ: городскую или железнодорожную. Так как перспектива жить в селе, а работать в городе, была не из приятных, я это предложение отклонил. Тогда Штамов перешел на сговор принять в заведывание недавно организованную на базе двухклассного училища и учебно-показательной гончарной мастерской Боготольскую сельскую среднюю школу, указывая, что ее организатор, какой-то случайно оказавшийся в Боготоле горный инженер, ушел на работу по специальности, передав временное заведование преподавателю Муроз. Учитывая, что новоиспеченная школа находится рядом с моим домом и в ее составляющих частях она мне известна, я нашел это предложение более приемлемым и разрешил Боготольскому горono хлопотать перед Мариинским УОНО о моем назначении, которое было доставлено мне через 3-4 дня после нашего разговора.

Принимая это, находящееся в зачаточном состоянии, учебное заведение, именующееся Боготольской трудовой советской школой 2-й ступени с керамическим, столярным и переплетным отделениями, я обнаружил, что здесь не было ни средней школы, ни столярного, ни переплетного отделений, а было прежнее двухклассное училище, учащиеся которого распущены с 1 мая на каникулы. Осталась показательная гончарная мастерская при двух мастерах и инструкторе, переименованных в заведующих, и горстка случайно прилепившихся к ней, очевидно оставшихся от развалившейся армии Колчака. Среди них был мой приятель, сын местного священника, Илья Леонтьевич Голубович. Кроме Голубовича был окончивший Петербургский университет, уроженец города Уфы Константин Петрович Муроз, студент Киевского университета Усов, старичок-завхоз из Петербурга Николай Иванович Богданов с дочерью архитектором Ольгой Николаевной, которая пробовала свои силы на лепных украшениях гончарных изделий, да какой-то столяр без мастерской и инструментов и такой же самоучка-переплетчик из народных учителей. Все эти люди числились в штате школы, получали в бумажной валюте зарплату, на которую в то время трудно было что-либо купить, каким-то чудным образом питались и все же за эту полуфиктивную школу держались, как за первое пристанище после ужасов гражданской войны.

Принимая имущество школы, кроме инвентаря двухклассного училища и учебно-показательной мастерской, я обнаружил прибыль трех новых предметов: потрепанную пишущую машинку «Ремингтон», хороший микроскоп с иммерсионными объективами и красивую, но до крайности истощенную, вороную лошадь. Очевидно эти новые предметы или брошены в панике отступающей армией Колчака, или были приобретены от нее за бесценок. Понимая, что с голодных людей ничего нельзя и спрашивать, я в первые дни своего заведования решил испробовать свое счастье в боготольских городских продовольственных магазинах, распределяющих на местах хлебные резервы, а посему попросил завхоза запрячь для поездки в город вороного коня, но бедное животное, дотащив меня до околицы, вовсе отказалось идти далее, несмотря на все способы принуждения. Я воротился в школу, сдав коня завхозу с запрещением запрягать его кому бы то ни было. Осмотрев запасы в кладовой и, скрепя сердцем, разрешил менять их на овес, муку, масло, яйца и даже мясо, дабы подкормить этим явно незаконным образом изнуренную лошадь и полуголодных людей, последних, конечно, в форме продовольственного пайка за денежный расчет.

Принимая в свое заведование Боготольскую среднюю школу, я был крайне удивлен нелепой постановкой на один уровень изучения керамического производства, столярного и переплетного дела.

Керамика - это сложное производство, которое можно изучать до уровня мастера, техника и даже инженера. Для его глубинного понимания необходима серьезная научная и художественная подготовка, в то время как для переплетчика и столяра желательна только грамотность. Мне кажется, и то, что получивший среднее образование молодой человек не будет заниматься переплетным и столярным ремеслом, а будет искать более серьезную работу. Исходя из этих соображений, а также учитывая и то, что для изучения этих ремесел нет у школы ни свободных помещений, ни оборудования, ни инструментов, я решил сократить должности переплетчика и столяра, заменив их счетоводом, делопроизводителем, машинисткой, как лицами, абсолютно необходимыми, на которые принял секретаря Боготольского волостного исполнительного комитета Николая Ивановича Пирожкова и какую-то машинистку Верочку

Окончание. Начало в № 7-10.

Продумывая тот учебный процесс, который мы должны были организовать под вывеской единой трудовой советской школы 2-й ступени с керамическим отделением при ней. Выходило, что среднюю общеобразовательную школу мы должны были рассматривать как базис, а керамическое отделение как надстройку при ней. Между тем, наша реальная обстановка говорила как раз о противоположном. За плечами керамического отделения стоял 7-летний и довольно неплохой опыт работы его мастерских, о чем убедительнее всех слов говорило обилие изделий его музея. В успешной же организации средней школы приходилось сомневаться, так как ничтожная горстка ее преподавателей не обладала ни педагогическим опытом, ни достаточной квалификацией. Исходя из этого и пользуясь значительной свободой проявления личной инициативы, я решил надстройку поставить на место базиса и школу именовать керамической советской школой 2-й ступени, дав ей 4-летний курс обучения при 2-сменной ежедневной работе - 4 часа до обеда, для классных занятий по изучению программы общеобразовательной средней школы - 4 часа в день после обеда. Для практического изучения керамического производства в учебных мастерских, стремясь убить двух зайцев: дать окончившему школу путевку в жизнь, подготовив его практически до уровня техника керамического производства, раскрыв в тоже время для них двери не особенно требовательных тогда вузов. Получив одобрение этого плана в своем коллективе, мы начали разработку схематических учебных планов для 1-го года обучения.

Пока мы возились со своими планами, обиженные своим сокращением переплетчик и столяр, очевидно, приняли какие-то свои меры и в мой адрес из Томска поступила грозная телеграмма: «Прекратите выдачу пайка, иначе пойдете под суд». Чтобы успокоить наблюдающих, пришлось закрыть обменную лавочку, снять с пайка всех, кроме лошади, разрешив людям приобретать на деньги в кладовой гончарные изделия и уже на них самим выменивать продукты.

Обратившись по продовольственному вопросу в город Боготол, мне без особого труда от местных властей удалось получить право на хлебное снабжение не только сотрудников по школе, но и на учеников, имеющих право проживать в интернате при ней. Понимая, что одной из главных предпосылок для успешной работы вновь организующейся школы является хорошо проведенный ее первый набор и что ни угасающий Старый Боготол, ни его уже хорошо насыщенный гончарами район не смогут дать нам нужных кадров для набора, я разработал довольно рекламного характера проспект, которым и стал насыщать волостные исполнительные комитеты, крупные сельсоветы и повышенного типа школы Мариинского уезда и, надо сознаться, что это мероприятие нам очень помогло. Вскоре посыпались к нам запросы, поехали разведчики, которых мы и агитировали через показ богатых коллекций готовых изделий нашего музея. К началу лета мастерские заявили мне, что у них на исходе и свинцовый сурик, необходимый для глазури, и потребные для обжига дрова. Страна, после гражданской войны, переживала разруху, о приобретении сурика не приходилось и мечтать. Обсудив с техническим персоналом мастерских вопрос о глазури, мы решили пойти на поиски более доступного свинца, намереваясь пережигать его на фитту (свинцовый глет) с последующим помолом его на муку, из которой как из сурика, можно делать глазурь. Для пережигания свинца требовалось устройство специального горна, а для его устройства - деньги. Сделав об этом надлежащий доклад в ГОНО, я неожиданно получил от него ассигнование в 30000 рублей в форме трех больших и великолепно в красных тонах исполненных казначейских билетов и любезную просьбу не отказать в изготовлении 50 тарелок для нужд столовой, имеющей обслуживать питанием предполагаемую августовскую конференцию народных учителей. В то время, как мы ломали голову над вопросом - как нам заготовить дрова, где искать свинец, мою семью неожиданно посетил крестник тещи командир крупного партизанского отряда, оперировавшего в дни Колчака в Мариинской золотоносной тайге - Клавдий Викентьевич Цыбульский, внук разорившегося Боготольского золотопромышленника Озерова. Его престарелая мать со своей сестрой, проживающие в громадном старом озеровском доме, который стоял на базарной площади сзади торговых лавок, к тому времени уже умерли и Цыбульский считал этот дом своим. Я предложил Цыбульскому продать этот дом на слом школе на дрова, Цыбульский согласился, а школьный завхоз оформил эту сделку через волостной исполнительный комитет с выплатой Цыбульскому 10000 рублей. Обрадованные таким неожиданным разрешением топливного вопроса мастера по своей инициативе принялись за разборку и перевозку во двор мастерской купленного дома, и я радовался тому, что, наконец, отделался от хранения большой нарицательной стоимости, но малой покупной способности казначейского билета.

Очевидно, в июле школу посетило первое несчастье - воспитанный и необыкновенно тактичный преподаватель Усов получил вызов в военкомат, выехал и... бесследно исчез. Впоследствии стало известно, что убоявшись явки, он перешел на нелегальное положение, скрываясь по мельницам и заимкам, попал под облаву чекистов и по дороге в Боготол был ими расстрелян.

В августе мы отправили в адрес Мариинского УОНО ящик с заказанными 50 глубокими тарелками, которые очевидно произвели в этом городе выгодное для нас впечатление, так как вскоре после них Мариинский уисполком обратился к нам с просьбой изготовить 100 пробных глазурованных телеграфных изоляторов. Мы выполнили и эту просьбу. Очевидно и изоляторы тоже понравились начальству и оно, изменив свой тон, приказало нам приготовить сначала 1000, а потом, подтверждая и уточняя свой заказ, довело его до 10000 штук. Не оставил нас своим вниманием и Мариинский отдел народного образования, объявив, что он намерен при всех школах Мариинского уезда открыть ученические столовые. Он предложил нам обеспечить их в достаточном количестве не только столовой и чайной посудой, но и изготовить глиняные самовары. Когда я подсчитал всю эту требуемую от нас продукцию, то понял, что мне следует либо заниматься школой, не обращая внимания на заказы, либо выполнять заказы, не обращая внимания на школу. Я молчаливо выбрал первое с расчетом на всеисцеляющее время, ибо со временем число плохо соображающих людей неизбежно должно уменьшаться.

Прошел первый месяц наших работ школа работала нормально. Стало известно, что из состава уездного отдела народного образования выделен подотдел под названием «упрофобр», в комплектацию которого были переданы профессиональные школы уезда. Причем руководство этим подотделом возложено на человека небольшого масштаба - бывшего заведующего какой-то учебной мастерской. Вскоре мы ощутили на себе деятельность этого руководителя. Он вызвал к себе нашего инструктора Ступко, а через некоторое время я получил постановление о том, что Боготольская керамическая школа 2 ступени реорганизуется в низшую профтехническую школу керамической специальности с возложением обязанностей по ее заведованию на тов. Ступко.

Я передал новому заведующему имущество школы, 2 неизрасходованных красивых казначейских билета по 10000 каждый, невыполненные заказы на изоляторы, посуду и глиняные самовары и с облегченным сердцем перешел на работу в Боготольскую железнодорожную школу. Илья Голубович перешел на работу в Мариинский кооперативный техникум, архитектор Богданова в Боготольский горкомхоз, тов. Муроз уехал в Уфу, а большинство учащихся, недовольных реорганизаций, разъехались по домам.

Так во славу нашего головотяпства была разваленa начавшая нормально работать и способная в дальнейшем развиваться Боготольская керамическая средняя школа, ставившая своей задачей давать своим учащимся приличную путевку в жизнь и раскрывать перед ними двери советских вузов. Оставшиеся при разбитом корыте прежний учебно-показательный гончарный тов. Ступко смог протянуть не более 2-х лет и вынужден был закрыть школу. Лучшие экспонаты разошлись по рукам власть имущих, а все остальное было передано Томскому политехническому институту, где все это будет храниться долгие годы, будучи не в силах рассказать, где, когда и кем все это сделано.

Перебирая свои бумаги, я нашел случайно уцелевшие служебные удостоверения, из рассмотрения которых мы убеждаемся в следующем: что в дореволюционное время в том помещении, которое ныне занимает Боготольская средняя школа, существовала Боготольская учебно-показательная гончарная мастерская в ведомстве главного Управления Земледелия и землеустройства, о чем говорит круглая печать. Что это скромное учреждение в оном году было реорганизовано в Боготольскую керамическую школу 2-й ступени и имело в качестве своего заведующего и председателя школьного совета математика, строителя А. А. Наумова, в качестве заместителя инструктора керамика Г. Д. Ступко и в качестве секретаря совета кандидата экономического совета Н. Л. Голубовича. Кроме всего, из этого удостоверения видно, что Старый Боготол в 1920 году был административным центром и имел свой исполнительный комитет, председатель которого Архангельский и свидетельствует своей печатью это удостоверение.